

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ИЗМЕНА.
ЛИШНЯЯ
ЖЕНА ДРАКОНА

ПРЕДАЛ МЕНЯ? ПОЖАЛЕЕШЬ!

Лиссбет Котцова

Измена. Лишняя жена дракона

<https://litres.ru/74391333>

Аннотация

— Ты подпишешь развод, Тамара. Тихо. Без позора. Кетеван носит моего наследника. Так сказал мне Леван Арагвели — князь-дракон, мой муж. Точнее, муж женщины, в теле которой я очнулась прямо посреди Совета родов. Перед ним. Перед его беременной любовницей. Перед всеми, кто уже решил: Тамара Орбелиани бесплодна, слаба и больше не нужна. Они ждали, что я заплачу и уйду с позором. Но я уже однажды пережила предательство в прошлой жизни. И второй раз позволять мужчине вытирать о меня ноги не собираюсь. Вместо золота я потребовала Шавцихе — проклятую крепость моего рода, откуда не возвращаются. Только там меня ждали не смерть и тишина, а трое спрятанных драконят, письмо мёртвой Тамары и тайна, из-за которой Совет готов убить меня снова. Леван назвал меня ошибкой. Но скоро он поймёт: ошибкой было отпустить меня живой.

В книге будет:

публичная измена и развод с князем-драконом; беременная соперница, которая не так проста, как кажется; попаданка в тело униженной жены; проклятая крепость Шавцихе, где стены помнят чужую боль; трое спрятанных драконят, за которыми охотится

Совет; письмо мёртвой Тамары Орбелиани и тайна её прошлого;
опасный дракон-изгой Тариэл Месхи;

♥# магия рода, древние метки и запретный дар Матери гнезда;
бывший муж, который слишком поздно поймёт, кого потерял;

♥#сильная героиня, которая больше не просит любви — она
забирает себе право жить.

Содержание

Глава 1. Лишняя жена князя-дракона	5
Глава 2. Отступное, от которого не возвращаются	19
Глава 3. Письмо Тамары Орбелиани	32
Глава 4. Шавцixe	44
Глава 5. Дети, которых спрятала Тамара	62
Глава 6. Чёрный дракон над горами	76
Глава 7. Метка Матери гнезда	93
Глава 8. Уроки от проклятого дракона	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Глава 1. Лишняя жена князя-дракона

— Ты подпишешь развод, Тамара. Тихо. Без позора.

Голос ударил меня не по ушам — по сердцу.

Я не сразу поняла, где нахожусь. Перед глазами плыло золото, чёрный камень, огонь в высоких чашах, лица незнакомых людей, вытянутые, холодные, будто вырезанные из старых икон. Воздух пах дымом, вином и чем-то металлическим — кровью или страхом.

Моим страхом.

Я моргнула, пытаюсь вдохнуть, но корсет сдавил рёбра так, что вместо воздуха в грудь вошла боль. Тонкая ткань платья шуршала на коленях. Руки лежали на подлокотниках высокого кресла — чужие руки. Узкие запястья. Бледные пальцы. На безымянном — тёмное кольцо с красным камнем, внутри которого будто дремала искра.

Я не носила такого кольца.

У меня вообще не было украшений после развода. Я продала всё — серьги, браслет, даже обручальное кольцо. За смешные деньги, унижительно маленькие, но тогда мне было всё равно. Хотелось только вынести из квартиры последние вещи и больше не видеть диван, на котором мой муж однажды сидел напротив меня и говорил:

«Арин, ну ты пойми... чувства прошли».

А потом пришла она. Молодая, пахнущая дорогими духами и победой.

Я резко вдохнула.

Нет.

Не снова.

— Тамара, — повторил мужчина передо мной.

И мир наконец собрался в резкую, невозможную картину.

Он стоял в нескольких шагах. Высокий, широкоплечий, в тёмном длинном кафтане, расшитом серебром у воротника. Чёрные волосы были убраны назад, лицо — красивое так, что от этой красоты становилось холодно. Не мягкое, не живое, не человеческое почти. Скулы, как выточенные ножом. Губы сжаты. Глаза — серые, ледяные, но где-то глубоко в них мерцало золото, будто подо льдом горело пламя.

И за его плечами — тень.

Нет. Не тень.

Крылья.

Я зажмурилась. Открыла глаза снова.

Крыльев уже не было. Только дрожание воздуха за его спиной, горячее, хищное, будто что-то огромное внутри мужчины развернулось и снова спряталось под кожу.

Кто ты?..

Ответ пришёл не мыслью — чужой памятью. Короткой, болезненной вспышкой.

Леван Арагвели.

Князь-дракон.

Мой муж.

Нет. Не мой.

Тамары.

— Я понимаю, тебе неприятно, — сказал он ровно. — Но затягивать бессмысленно. Совет уже собрался. Родовые печати готовы.

Я обвела взглядом зал.

Совет.

Десятки людей сидели полукругом на каменных скамьях. Мужчины в тёмных одеждах, женщины в жемчугах, старики с серебряными посохами. У многих на шее блестели подвески в виде драконьих голов. Внизу, у ступеней, стояли стражники. Их копья были не стальные, а чёрные, словно выкованные из ночи.

Никто не смотрел на меня с сочувствием.

Некоторые — с любопытством.

Некоторые — с усталостью.

Некоторые — с плохо скрываемым удовольствием.

Я знала эти взгляды. Их не нужно было понимать разумом. Такие же были у соседок, когда они шептались у подъезда после моего развода. У коллег, которые вдруг начали говорить со мной мягче, чем обычно, будто я стала больной. У родственников мужа, которые считали, что если мужчина ушёл, значит, женщина где-то недостаралась.

Я сглотнула.

— Я... — голос оказался не моим.

Тише. Выше. Ломкий, как тонкое стекло.

Я вздрогнула от собственного звука.

— Не надо сцен, — устало сказал Леван.

Сцен?

Я подняла на него глаза.

Он произнёс это так, будто я уже много раз падала перед ним на колени. Будто умоляла. Будто цеплялась за рукав, плакала в подушку, ждала под дверью, пыталась заслужить хотя бы один взгляд.

И тело — чужое, слабое, измученное — ответило памятью.

Коридор. Его спина. Я — нет, Тамара — иду следом, почти бегу, стараясь не заплакать.

«Леван, поговори со мной. Прошу».

Он не оборачивается.

«Мне некогда».

Дверь закрывается.

Темнота.

Я зажала пальцы в кулак.

Нет.

Хватит.

Перед Леваном стояла женщина.

Беременная.

Я заметила её не сразу, потому что сначала весь мир занял он. Но теперь взгляд сам скользнул в сторону — и я увидела

её.

Кетеван Мтиулури.

Имя вспыхнуло в голове с такой горечью, что меня едва не затошнило.

Она была красива мягкой, опасной красотой. Золотистые волосы убраны в низкую причёску, тонкая шея, платье цвета спелого граната, руки сложены на округлившемся животе. Она смотрела на меня с выражением почти печальным, почти сострадательным.

Почти.

В её глазах — янтарных, светлых — пряталась улыбка.

Такая же была у женщины, к которой ушёл мой муж. Не на губах. Внутри. В глубине взгляда.

«Я победила».

— Тамара, — тихо произнесла Кетеван. — Я не хотела, чтобы всё случилось так.

Я засмеялась.

Неловко, хрипло, почти беззвучно.

В зале кто-то возмущённо выдохнул.

Леван нахмурился.

— Что смешного?

Я посмотрела на Кетеван.

— Эта фраза, — сказала я. — Её, кажется, выдают всем женщинам, которые приходят за чужими мужьями. Вместе с платьем, слезами и животом.

По залу прошёл шорох.

Кетеван побледнела. Совсем немного. Только пальцы на животе сжались крепче.

Леван шагнул вперёд.

— Следи за словами.

И вот тут внутри меня что-то оборвалось.

Не страх. Он был. Тяжёлый, вязкий, ледяной. Я не знала этого мира, не знала законов, не знала, что за люди сидят вокруг и почему у моего бывшего — нет, у её мужа — иногда дрожит воздух за спиной, как от крыльев.

Но страх больше не был главным.

Главной стала злость.

Та самая, которую я не позволила себе тогда, в прошлой жизни. Когда молчала. Когда подписывала бумаги. Когда он забирал машину, потому что «она оформлена на меня». Когда я оставляла ему квартиру, потому что не хотела судиться. Когда улыбалась в ответ на жалость и говорила: «Я справлюсь».

Я справилась.

Но какой ценой?

— А вы следили? — спросила я.

Леван замер.

— Что?

— За словами. За поступками. За клятвами.

Я поднялась.

Ноги едва удержали меня. Тело Тамары было слабым, слишком лёгким, будто его долго кормили не едой, а обеща-

ниями. В висках стучало. Перед глазами на миг потемнело, но я удержалась за подлокотник и не села обратно.

Не при них.

Ни за что.

— Тамара, сядь, — приказал Леван.

Я улыбнулась.

— Вот как. Даже разводясь, вы всё ещё отдаёте приказы.

Кто-то из старейшин ударил посохом о камень.

— Княгиня Орбелиани, вы забываетесь.

Орбелиани.

Значит, так меня зовут здесь. Тамара Орбелиани.

Я повернулась к старику.

— Простите. Я только что узнала, что мой муж привёл беременную любовницу на Совет родов, требует развода и ожидает, что я буду вести себя удобно. Видимо, память от потрясения действительно меня подводит.

Теперь шорох стал громче. Кто-то ахнул. Кто-то тихо рассмеялся — зло, заинтересованно.

Леван смотрел на меня так, будто видел впервые.

Хорошо.

Пусть смотрит.

Кетеван опустила глаза. На её ресницах заблестели слёзы. Настоящие ли? Не знаю. Но зрителям понравилось.

— Я не любовница, — прошептала она. — Я истинная пара Левана. Это не мой выбор. Это зов крови.

Зов крови.

Как удобно.

В моём мире это называли проще: «Так получилось».

— Конечно, — сказала я мягко. — Когда женщина входит в чужой дом через постель мужа, ей очень важно придумать для этого красивое название.

Лицо Левана стало опасно спокойным.

— Довольно.

Одного этого слова хватило, чтобы зал притих.

Внутри меня что-то дрогнуло — не моё. Память Тамары знала этот тон. После него она замолкала. Всегда. Сжимала губы, опускала глаза, прятала боль в ладонях.

Я почувствовала, как тело хочет подчиниться. Как плечи сами тянутся вниз. Как губы почти складываются в привычное: «Прости».

Нет.

Нет, Тамара.

Не в этот раз.

Я выпрямилась.

— Да, довольно, — сказала я. — Давайте закончим.

Леван протянул руку, и один из писцов поднёс свиток. Пергамент был плотным, жёлтым, с красными печатями. На нём горели строки — не чернилами, а слабым золотым светом.

Я не знала языка.

И всё равно понимала.

Магия?

Или память тела?

«Расторжение брачного союза между Леваном из рода Арагвели и Тамарой из рода Орбелиани...»

Дальше — причины.

Бесплодие супруги.

Магическая неполноценность.

Неспособность поддерживать родовой источник.

Недостойное поведение.

Я читала, и с каждым словом внутри становилось всё тише. Не спокойнее — тише. Как перед бурей.

Они не просто разводили её.

Они уничтожали.

Слова были подобраны так, чтобы после этого свитка Тамара уже нигде не могла поднять голову. Ни в одном доме. Ни при одном дворе. Её не оставляли женщиной, которую разлюбили. Её делали бракованной вещью, которую вернули прежнему владельцу.

— Нет, — сказала я.

Леван едва заметно прищурился.

— Что значит “нет”?

— Значит, я не подпишу это.

Старейшина с посохом поднялся.

— Княгиня Орбелиани, решение Совета принято.

— Решение Совета может отправиться туда же, куда и уважение моего мужа.

На этот раз тишина стала абсолютной.

Где-то в чаше громко треснул огонь.

Я сама не верила, что сказала это. Но странное дело — чем больше они бледнели, тем ровнее становилось моё дыхание.

Леван сделал ещё шаг.

— Тамара, ты не понимаешь последствий.

— Уверена, вы сейчас объясните. Вы ведь, кажется, очень любите объяснять женщинам, что с ними будет после ваших решений.

На его скулах дрогнули жилки.

Кетеван тихо всхлипнула.

— Леван, прошу... не надо. Она больна.

Я повернула к ней голову.

— Милая, не тратьте слёзы заранее. Они вам ещё пригодятся.

Она подняла на меня глаза — и на миг вся нежность исчезла. Под ней мелькнуло что-то острое. Холодное. Ненавидящее.

Вот ты какая.

— Что вы хотите? — спросил старейшина, явно пытаюсь вернуть происходящее в рамки закона.

Я посмотрела на свиток.

Магические строки продолжали светиться, ожидая моей крови, подписи или какого-то местного аналога согласия.

— Если Леван Арагвели желает разорвать брачный союз, — медленно сказала я, — я требую отступное по древнему праву Орбелиани.

Несколько женщин в зале переглянулись.

Леван застыл.

— Ты не имеешь права.

Но он сказал это слишком быстро.

Значит, имею.

Я почувствовала, как внутри, где-то под рёбрами, шевельнулась чужая память. Тамара знала. Тамара боялась использовать это право. Почему? Потому что её убедили, что она ничто. Потому что ей годами говорили: будь тихой, будь благодарной, будь удобной.

Я провела пальцами по краю свитка.

— Имею. Если муж публично признаёт жену непригодной для рода, жена вправе потребовать не милость, а имущество, связанное с её кровью.

Слова сами приходили на язык. Сухие. Законные. Чужие. Старейшина медленно сел обратно.

Леван смотрел уже не холодно.

Впервые — настороженно.

— Тебе дадут золото, — сказал он. — Дом в нижнем городе. Слуг. Содержание на пять лет.

Я почти рассмеялась.

Как щедро. Купить молчание. Купить исчезновение. Купить удобную вдову при живом муже.

— Нет.

— Тамара.

В его голосе прозвучало предупреждение.

А в моём сердце — память.

«Арин, давай без скандалов. Я помогу тебе первое время».

Первое время.

Пока ему удобно чувствовать себя не подлецом.

Я подняла взгляд на Левана Арагвели — князя, дракона, мужчину, который привык, что мир склоняется перед его волей.

— Мне не нужны ваши подачки.

Он побледнел от ярости.

— Тогда что?

Я не знала.

Секунду назад — правда не знала.

И вдруг в памяти Тамары вспыхнуло название. Чёрные башни на горе. Высохший источник. Женский голос в темноте: «Никогда не проси Шавцixe. Они позволят тебе умереть там и назовут это милостью».

Шавцixe.

Чёрная крепость.

Я медленно вдохнула.

В зале будто стало холоднее.

— Я выбираю Шавцixe, — сказала я.

Никто не шелохнулся.

Даже огонь в чашах словно застыл.

Старейшина с посохом поднял голову. Женщина в жемчугах прикрыла рот рукой. Один из стражников отступил на

полшага, будто я произнесла не название крепости, а имя мёртвого бога.

Кетеван перестала плакать.

Леван смотрел на меня так, будто я внезапно ударила его ножом.

— Нет, — сказал он.

Теперь улыбнулась я.

— Вы же хотели развода, князь Арагвели. Тихо. Без позора.

Я взяла свиток.

Пальцы больше не дрожали.

— Так дайте мне моё отступное.

— Ты не знаешь, что просишь.

— Возможно.

Я наклонилась над пергаментом. На столе лежал маленький серебряный кинжал. Я не стала спрашивать, для чего он. Просто взяла его и уколола палец.

Боль была острой, настоящей.

Капля крови упала на свиток.

Золотые строки вспыхнули алым.

— Но я точно знаю, чего больше не прошу.

Леван молчал.

В его глазах впервые появилось что-то, похожее не на гнев.

На страх.

Я расправила плечи, чувствуя, как чужое кольцо на пальце

нагревается, будто внутри него проснулась живая искра.
— Вашей любви.

Глава 2. Отступное, от которого не возвращаются

— Ты не поедешь в Шавцixe.

Леван произнёс это не громко. Даже почти спокойно.

Но зал услышал.

В таких голосах не было необходимости повышать тон. Они привыкли, что после одного тихого приказа открываются ворота, склоняются головы, подписываются приговоры, женщины перестают плакать и начинают благодарить за то, что их уничтожили не слишком грубо.

Я всё ещё держала руку над свитком. Кровь с пальца уже впиталась в пергамент, и алые строки ползли по документу, переписывая условия развода. Магия шипела, будто недовольная змея.

Шавцixe.

Слово стояло теперь между мной и всеми ими — чёрное, тяжёлое, пахнущее пеплом.

Я не знала этого места. Не видела его своими глазами. Но тело Тамары помнило, как вздрагивали люди, когда это название произносили шёпотом. Чёрная крепость рода Орбелиани. Высохший источник. Башни, куда не долетали птицы. Стены, которые по ночам плакали женскими голосами.

И ещё память — чужая, острая, как заноза под ногтем.

«Никогда не проси Шавцихе, Тамара. Они отдадут тебе эту крепость с радостью. Потому что оттуда не возвращаются».

Кто сказал это? Женщина? Старуха? Мать?

Воспоминание рассыпалось раньше, чем я успела ухватить его.

— Странно, — сказала я, глядя на Левана. — Несколько минут назад вы так хотели, чтобы я ушла. А теперь вдруг передумали?

Его лицо не изменилось, но глаза стали темнее. В них больше не было прежней холодной усталости. Там появилось раздражение. И что-то ещё, от чего у меня по спине прошёл ледяной сквозняк.

Не страх за меня.

Страх потерять контроль.

— Шавцихе не пригодна для жизни, — сказал он. — Там нет слуг, нет защиты, нет воды в источнике. После заката туда не ходят даже пастухи.

— Великолепно. Значит, никто не будет беспокоить меня визитами.

Кто-то из молодых лордов коротко усмехнулся, но тут же замолчал под взглядом старейшин.

Кетеван медленно подняла голову. Слезы на её ресницах уже высохли. Теперь она смотрела осторожно, почти внимательно. Как человек, который внезапно понял: вещь, которую он считал сломанной, может порезать руку.

— Тамара, — мягко сказала она, — не надо так. Я понимаю твою боль. Правда. Но Шавцixe... это не гордость. Это самоубийство.

Я повернулась к ней.

Беременная красавица. Истинная пара. Женщина, которой сегодня позволили стоять рядом с чужим мужем и изображать жалость к жене, которую вытесняли из жизни.

— Как трогательно, — сказала я. — Вы уже забрали мужа. Теперь переживаете, чтобы мне досталось место получше?

Кетеван опустила ладонь на живот. Жест был красивым, выученным, почти священным. В зале сразу потеплели взгляды. Женщина с ребёнком всегда удобна для чужого сочувствия. Особенно если рядом стоит жена без ребёнка.

— Я не хотела причинить тебе зло.

— Нет, конечно. Вы просто оказались в его постели, потом возле него на Совете, потом рядом с документом о моём разводе. Зло само как-то пришло и село рядом.

По лицу Кетеван скользнула тень.

Быстрая.

Настоящая.

И от этого мне стало легче. Не потому, что я хотела её злить. А потому, что маски всегда страшнее лиц. Когда человек показывает хоть кусочек правды, с ним становится проще воевать.

— Довольно, — вмешался старейшина с серебряным посохом. — Право Орбелиани действительно существует. Если

княгиня требует родовое имущество в качестве отступного, Совет обязан рассмотреть требование.

— Рассмотреть, — резко сказал Леван. — Но не одобрить.

— Князь Арагвели, — старейшина чуть склонил голову, и в этом движении было больше угрозы, чем уважения, — кровь уже принята свитком.

Леван перевёл взгляд на пергамент.

И впервые я увидела на его лице настоящую злость.

Не на меня даже. На закон. На свиток. На магию, которая посмела послушаться не его.

Пламя в чашах дрогнуло. Воздух за его спиной снова искривился. На миг мне показалось, что за плечами князя раскрывается огромная тень — крылья, рога, чёрная чешуя, горящие глаза. Моё сердце забилось так сильно, что в ушах стало больно.

Дракон.

Это не было метафорой.

Мужчина передо мной действительно был чудовищем под человеческой кожей.

И прежняя Тамара любила его.

От этой мысли мне стало холоднее, чем от всех шёпотов Совета.

— Тамара, — Леван сделал шаг ближе.

Тело захотело отступить. Снова не моё желание — его память. Мышцы сами вспомнили: когда он подходит так близко, нужно опустить взгляд, иначе будет хуже. Не удар. Нет.

Он, возможно, никогда не бил её. Бывают мужчины, которым не нужно поднимать руку. Они ломают иначе: молчанием, холодом, отсутствием, сравнением с другой женщиной.

Я не отступила.

— Подумай, — сказал он тише. — Ты злишься. Ты хочешь наказать меня.

Я чуть не рассмеялась.

Наказать его?

Мужчины удивительно часто считают женскую боль спектаклем, устроенным специально для них.

— Уверяю вас, князь, — произнесла я, — когда женщина выбирает, где ей жить после предательства, она не всегда думает о мужчине.

Он будто не услышал.

— В Шавцixe нет жизни.

— Значит, мы подойдём друг другу.

Его пальцы сжались.

На мгновение мне показалось, что он скажет что-то человеческое. Не приказ. Не угрозу. Не очередное «ты не понимаешь». Может быть: «Мне жаль». Может быть: «Я не хотел, чтобы так вышло». Какая глупость — даже сейчас, внутри чужого тела, после чужого унижения, какая-то измученная часть души всё ещё ждала от мужчины простого человеческого слова.

Но Леван Арагвели сказал:

— Ты не выживешь там одна.

И всё.

Не «я боюсь за тебя».

Не «прости».

Только оценка моей беспомощности.

Я медленно выдохнула.

— Тогда Совет скоро получит удобную вдову вместо неудобной бывшей жены.

В зале кто-то резко втянул воздух.

Кетеван побледнела по-настоящему.

Леван смотрел на меня так, будто я только что открыла дверь туда, куда ему самому было страшно заглянуть.

Старейшина ударил посохом.

— Требование принято. Крепость Шавцixe, земли вокруг неё, высохший источник и всё имущество, связанное с родом Орбелиани, переходят княгине Тамаре Орбелиани в качестве отступного после расторжения брака.

Свиток вспыхнул.

И боль прошла моё запястье.

Я охнула, не удержавшись. Кольцо на пальце стало горячим. Брачный камень, ещё недавно красный, потемнел, налился чернотой и треснул тонкой линией.

Леван резко протянул руку, словно хотел схватить меня.

Я отступила.

Поздно.

На коже под кольцом проступил след — тонкий, тёмный, похожий на ожог в форме замкнутого крыла.

— Что это? — спросила я.

Мой голос прозвучал хрипло.

Старейшина отвёл глаза.

Кетеван прижала ладонь к губам.

А Леван слишком долго молчал.

— Остаток брачной метки, — сказал он наконец.

— Остаток?

Я стянула кольцо. Оно не хотело сниматься, будто вросло в кожу. Пришлось дёрнуть сильнее. Боль ударила до плеча. Кольцо упало на каменный пол с таким звоном, словно разбилась чашка в пустой квартире.

Я вспомнила, как снимала своё прежнее обручальное. В ванной, под шум воды, чтобы не слышать собственного дыхания. Тогда палец тоже долго оставался светлым, голым, почти неприличным.

Здесь вместо светлой полосы был ожог.

— Ваши браки даже после смерти держат женщину за горло? — спросила я.

— Метка исчезнет, — сказал Леван. — Со временем.

— Как удобно. Всё плохое у мужчин всегда исчезает со временем. А женщина должна просто подождать.

Он ничего не ответил.

Совет начал расходиться.

Вот так.

Мою жизнь только что вырвали с корнем, пересадили в чужое тело, развели с драконом, отправили в проклятую кре-

пость — и для них это было заседание. Пункт повестки. Рас-
торжение союза. Передача имущества. Следующий вопрос.

Люди поднимались, перешёптывались, поправляли склад-
ки одежд. Кто-то бросал на меня взгляды: насмешливые,
жадные, испуганные. Я стояла посреди зала и вдруг почув-
ствовала страшную усталость.

Не героическую.

Не красивую.

Такую, от которой хочется лечь прямо на холодный ка-
мень и сказать: всё, хватит, я больше не могу быть сильной.

Но рядом прошла Кетеван.

Она задержалась на миг. Достаточно близко, чтобы я по-
чувствовала запах её духов — сладкий, густой, с ноткой гра-
ната.

— Ты пожалеешь, — прошептала она так тихо, что услы-
шала только я.

Вот теперь голос был настоящий.

Без слёз.

Без нежности.

Я повернула голову.

— О Шавцихе?

Она улыбнулась уголком губ.

— О том, что не умерла тихо.

И ушла.

Я смотрела ей вслед, пока красное платье не исчезло за
колоннами.

Внутри меня стало очень тихо.

Леван тоже услышал? Не знаю. Его лицо оставалось каменным. Но он смотрел не на Кетеван. На меня.

— Что она сказала? — спросил он.

Я усмехнулась.

— Забавно. Когда я была вашей женой, вас не особенно интересовало, что мне говорят.

Он поморщился, будто я ударила по больному месту. Или по гордости. У таких мужчин это часто одно и то же.

— Тамара...

— Не называйте меня так.

Слова сорвались сами.

Он застыл.

И я тоже.

Потому что на мгновение забыла: я не Арина. Не здесь. Не теперь. Для него я — Тамара. Для всех я — Тамара. Женщина, которой больше нет. Или которая, может быть, ещё где-то внутри этого тела, в темноте, смотрит моими глазами и молчит.

Мне стало страшно.

По-настоящему.

Кто я теперь?

Украла ли я чужую жизнь — или меня бросили в неё, как в горящий дом?

— Вам нужно собрать вещи, — сказал Леван после паузы.

— До заката вас проводят в южные покои. Утром отправят

тесь.

— Как щедро. Целая ночь в доме, из которого меня сегодня выгнали.

Его челюсть напряглась.

— Это всё ещё твой дом.

Я посмотрела на него.

На этого красивого, страшного мужчину, который, кажется, даже сейчас не понимал, что именно сделал.

— Нет, князь. Дом — это место, где тебя ждут. А не где тебе зачитывают развод при беременной любовнице.

Я развернулась и пошла к выходу.

Ноги дрожали. Спина горела от десятков взглядов. Я не знала, куда идти, но тело знало. Память Тамары вела меня коридорами: мимо фресок с драконами, мимо окон, за которыми багровело вечернее небо, мимо слуг, отводящих глаза.

Никто не поклонился.

Ещё утром, наверное, кланялись.

Статус женщины в этом мире оказался тонкой нитью, связанной к мужской милости. Дёрнул мужчина — и всё, ты уже никто.

Я вошла в покои Тамары и закрыла дверь.

Только тогда позволила себе согнуться.

Не заплакать. Нет.

Слёз не было.

Была дрожь. Мелкая, злая, унижительная. Меня трясло так, что зубы стучали. Я прижала ладони к лицу и впервые

за всё это время попыталась вспомнить последнее, что было до пробуждения.

Дождь.

Фары.

Телефон на пассажирском сиденье.

Сообщение от бывшего мужа: «Арин, не драматизируй.

Мы взрослые люди».

Потом резкий свет.

Удар.

И этот зал.

Я медленно опустилась на ковёр.

— Я умерла? — прошептала я.

Комната не ответила.

Она была красивой и мёртвой. Серебристые занавеси. Низкий столик. Зеркала в тёмных рамах. Шкафы, полные платьев, в которых Тамара, наверное, пыталась быть достойной женой. На туалетном столике — гребень с жемчугом, флаконы духов, засохшая веточка белых цветов.

И ни одной живой вещи.

Ни письма от подруги. Ни книги с загнутым уголком. Ни смешной безделушки. Ничего, что говорило бы: здесь жила женщина, а не обязанность.

Я поднялась и подошла к зеркалу.

На меня смотрела незнакомка.

Бледное лицо. Тёмные волосы, заплетённые слишком туго. Большие глаза — серые с зелёным оттенком. Красивые.

Усталые. Под ними тени. Губы искусаны.

Тамара Орбелиани.

— Прости, — сказала я ей.

Зеркало дрогнуло.

Я отшатнулась.

На миг в отражении появилась не я. Другая женщина — та же внешность, но взгляд мягче, испуганнее. Она стояла будто за стеклом, прижимая ладонь к груди.

И прошептала без звука:

«Найди».

— Что найти?

Отражение снова стало обычным.

Я замерла, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

Может, я схожу с ума. Может, всё это — последняя вспышка умирающего мозга. Может, я всё ещё в машине, зажатая между сиденьем и металлом, а Леван, Кетеван, Совет и Шавцixe — просто бред.

Но ожог на запястье болел слишком реально.

Я обернулась к комнате.

Найди.

Что?

Я начала искать.

Сначала неумело, почти стыдясь, будто рылась в чужой жизни. Потом быстрее. Открывала ящики, перебирала ленты, бумаги, украшения. В одном ларце нашла письма от Левана — старые, официальные, холодные. Не любовные. При-

глашение на приём. Уведомление о поездке. Короткое: «Я не вернусь к ужину».

Вот и весь брак.

В нижнем ящике туалетного столика лежала шкатулка из тёмного дерева. Без замка. Пустая.

Я уже хотела закрыть её, когда заметила царапину на дне. Нет. Не царапину.

Щель.

Сердце снова забилося быстрее. Я поддела ногтем тонкую пластинку. Не вышло. Тогда взяла шпильку из волос и про-сунула в щель.

Дно шкатулки щёлкнуло.

Под ним лежал сложенный лист.

Старый. Затёртый. Испачканный чем-то бурым.

Я достала его осторожно, как достают из огня последнюю фотографию.

На внешней стороне было написано:

«Той, кто проснётся после меня».

Пальцы похолодели.

Я развернула письмо.

Почерк был неровным, торопливым. В нескольких местах чернила расплылись, будто на бумагу падали слёзы.

Первая строка заставила меня перестать дышать.

«Если ты читаешь это, значит, я не выдержала. Или они всё-таки убили меня».

Глава 3. Письмо Тамары Орбелиани

«Если ты читаешь это, значит, я не выдержала. Или они всё-таки убили меня».

Я перечитала строку трижды.

Не потому что не поняла.

Потому что слишком хорошо поняла.

Бумага дрожала в пальцах. В комнате стояла такая тишина, что слышно было, как где-то за стеной потрескивает огонь в камине. Или это не камин? Может, весь этот дом дышал? Может, дворец Арагвели был живым существом, огромным, каменным, равнодушным — и сейчас просто наблюдал, как одна женщина читает послание другой женщины, мёртвой или почти мёртвой.

Я опустилась на край кровати.

Тамара Орбелиани писала неровно. Некоторые буквы срывались вниз, словно рука у неё слабела. На бумаге были тёмные пятна. Не чернила. Я не хотела думать, что это кровь.

«Я не знаю, кто ты. Не знаю, откуда придёшь и почему сможешь открыть шкатулку. Но если источник пустил тебя в моё тело, значит, он выбрал не смерть. Значит, у нас ещё есть шанс».

У нас.

Я прижала письмо к груди и закрыла глаза.

— Тамара, — прошептала я. — Что с тобой сделали?

Ответа не было.

Только зеркало напротив дрогнуло, будто по его поверхности прошёл ветер. Но отражение осталось моим — её лицом, моими глазами, чужой бледностью.

Я снова посмотрела в письмо.

«Не верь Левану».

Пальцы сами сжались.

«Не потому, что он чудовище. Это было бы проще. Чудовищ легко ненавидеть. Леван хуже — он человек, который умеет быть честным там, где это не ранит его гордость. Он не лжёт сам, если может позволить другим солгать за него. Он не убивает руками, если можно отвернуться и не видеть, как тебя убивают».

Я медленно выдохнула.

Больно.

Странно, но мне было больно не только за себя. За неё. За женщину, которая, видимо, до последнего пыталась оправдать мужчину, разрушившего её.

Я знала это.

Я тоже когда-то говорила: «Он не плохой. Просто запутался». Потом: «Он устал». Потом: «Ему сложно». Потом: «Я, наверное, сама виновата, что он перестал хотеть домой».

Женщина может годами строить для мужчины оправдательный дом. Кирпичик за кирпичиком. А потом однажды

проснуться под его обломками.

«Не верь Совету. Они называют себя хранителями равновесия, но равновесием здесь называют молчание женщин, послушание детей и страх младших родов перед старшими».

Я сглотнула.

За окнами сгущался вечер. Небо стало тёмно-бордовым, будто кто-то разлил по горизонту вино. Внизу, во дворе, слышались голоса. Стража. Слуги. Кареты. Жизнь дворца продолжалась, как будто сегодня никто никого не приговорил к изгнанию.

Как будто я просто перестала быть женой.

Как будто женщина после развода исчезает не сразу — сначала её выносят из дома вещами, бумагами, взглядами, а потом удивляются, почему она больше не отвечает на своё прежнее имя.

«И главное — не верь женщине с золотыми глазами».

Кетеван.

Я почувствовала, как по коже пробежал холод.

«Она улыбается так, будто просит прощения. Но её жалость пахнет ядом. Если она рядом с Леваном, значит, они уже начали. Если она носит ребёнка, значит, времени почти не осталось».

Письмо едва не выпало у меня из рук.

Ребёнок.

Значит, Тамара знала? Или подозревала?

Я прочла дальше.

«Ребёнок Кетеван — не то, чем его назовут перед Советом. Не наследник. Не дар крови. Не новая надежда рода Арагвели. Я не успела узнать всё. Но знаю: им нужен не младенец. Им нужен сосуд».

Сосуд.

Слово было мерзким. Холодным. Неживым. Так не говорят о ребёнке. Так говорят о чаше, о банке, о вещи, которую можно наполнить чем угодно.

Я вспомнила руку Кетеван на животе. Красивый жест. Тёплая улыбка. Слезы.

И то, как она прошептала мне: «Ты пожалеешь, что не умерла тихо».

Пальцы онемели.

«В Шавцихе дети».

Я замерла.

Вот оно.

То, ради чего мёртвая женщина писала сквозь страх, слабость и, возможно, боль.

«Трое. Темур, Мариам и Лука. Если они ещё живы. Если Марта смогла удержать защитный круг. Если стены крепости не предали нас, как люди».

Марта.

Имя отозвалось в памяти тела слабым теплом. Старая женщина с шершавыми ладонями. Запах трав. Голос: «Не плачь, княгиня. Слезы здесь слышат не только живые».

«Темур будет кусаться. Не ругай его. Он уже видел, как

взрослых просят о милости, а потом бросают в клетку. Мариам будет молчать. Она видит больше, чем должна видеть девочка. Если она скажет, что в комнате кто-то есть, — верь ей. Даже если комната пуста».

Я читала и всё сильнее чувствовала, как внутри меня что-то меняется.

Ещё час назад Шавцихе было просто названием. Проклятой крепостью. Безумным выбором, сделанным из злости, гордости и отчаянного желания не взять подачку у мужчины, который растоптал жену.

Теперь там были дети.

Трое детей, которых я не знала.

И женщина, которой уже не было, просила меня о них.

«Лука маленький. Он не виноват в том, что в нём течёт опасная кровь. Если Совет узнает, что он жив, они придут первыми за ним. Не отдавай его. Что бы тебе ни сказали. Кто бы ни просил. Даже Леван».

Леван.

Имя будто обожгло.

Я подняла глаза на дверь, словно он мог стоять за ней.

«Я хотела рассказать ему. Больше раз, чем могу признать без стыда. Стояла у его дверей. Писала письма. Сжигала их. Думала: если он узнает про детей, он защитит. Потом поняла — Леван защищает только то, что считает своим. А меня он своей уже не считал».

У меня защипало глаза.

Не от жалости. От злости.

Потому что это было слишком знакомо. Страшно знакомо. Мужчина может годами жить рядом с женщиной и не видеть, как она исчезает. Может думать, что знает её, потому что знает, где она сидит за столом, как подписывает письма, какое платье надевает на приём. Но не знать, чем она дышит ночью. Чего боится. Что прячет. За что готова умереть.

«Если ты другая — прости меня».

Я задержала дыхание.

«Я чувствую, что кто-то может прийти. Не дух. Не призрак. Живая душа. Чужая. Сильнее моей. Если это случится, не думай, что украла мою жизнь. Моей жизни почти не осталось. Возьми то, что сможешь. Моё имя. Мою кровь. Мой дом. Только не бери мою привычку молчать».

Письмо расплылось.

Я всё-таки заплакала.

Тихо. Без всхлипов. Слезы просто покатались по лицу, горячие и злые.

— Я не знаю, как, — прошептала я. — Слышишь? Я ничего не знаю. Я не умею в вашу магию. Не знаю законов. Не знаю, кто враг, кто нет. Я даже в этом платье дышать не могу.

Бумага молчала.

Я сжала её осторожнее.

— Но молчать я правда больше не умею.

За дверью раздался стук.

Я вскочила так резко, что письмо едва не выпало. Сердце

ударило в горло.

— Княгиня? — слышался голос служанки. — Князь Леван просит принять его.

Просит.

Интересно, сколько власти нужно мужчине, чтобы его приказы звучали как просьбы?

Я быстро сложила письмо и спрятала его за корсаж платья. Бумага легла к коже холодным прямоугольником.

— Пусть войдёт.

Дверь открылась.

Леван вошёл без сопровождения.

И комната сразу стала меньше.

Он переоделся после Совета. Теперь на нём был тёмный дорожный кафтан без парадного серебра, но от этого он не выглядел менее властным. Скорее наоборот. Меньше князя — больше мужчины. Опасного. Усталого. Живого.

Я ненавидела, что часть меня — не моя, Тамарина — всё ещё отзывалась на его появление больным, преданным теплом.

Вот оно. Самое страшное в любви к тем, кто тебя ломает: тело помнит нежность даже тогда, когда разум уже собрал доказательства преступления.

— Завтра на рассвете тебя отвезут в Шавцихе, — сказал он.

Ни приветствия. Ни вопроса, как я. Конечно.

— Вы пришли сообщить расписание моей ссылки?

Он задержал взгляд на моём лице.

— Ты плакала.

Я почти рассмеялась.

— Удивительно, правда? Женщина после публичного развода иногда плачет. Запишите это в законы Совета.

Леван помолчал.

— Я не хотел, чтобы всё вышло так.

Эта фраза была почти такой же мерзкой, как слёзы Кетеван.

Я медленно подошла к столику, взяла бокал с водой. Рука дрожала, и я поставила его обратно, так и не выпив.

— А как вы хотели? Чтобы я улыбнулась? Поблагодарила за пять лет содержания? Пожелала здоровья вашей истинной паре и её ребёнку?

При слове «ребёнок» что-то мелькнуло в его глазах.

Гордость?

Тревога?

Или вина?

— Кетеван не виновата, — сказал он.

Вот теперь боль пришла настоящая.

Острая. Чужая и моя одновременно.

Сколько раз женщины слышали это? Она не виновата. Так получилось. Чувства не выбирают. Сердцу не прикажешь. Будь выше. Не унижайся. Прими достойно.

Я посмотрела на Левана и впервые позволила себе не прятать презрение.

— Конечно. Виновата, видимо, я. За то, что мешала вашему счастью, будучи вашей женой.

Он шагнул ближе.

— Тамара...

— Не надо.

— Ты изменилась.

Я улыбнулась.

— А вы заметили? Как неожиданно. Жаль, что для этого понадобилось развестись со мной перед всем Советом.

Он сжал челюсть.

— Ты говоришь не как раньше.

«Раньше», наверное, она молчала. Раньше она ждала. Раньше она подбирала слова так, чтобы не задеть его усталость, не разозлить его род, не показаться навязчивой, жалкой, неудобной.

Раньше она умирала.

— Люди меняются, князь Арагвели, когда их ставят на колени. Иногда они встают другими.

Леван отвёл взгляд первым.

Маленькая победа. Жалкая, ненужная, но я удержалась за неё, как за перила над пропастью.

— Шавцixe опасна, — сказал он после паузы. — Я назначу охрану.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— Тогда зачем вы пришли? Сообщить, что даже после

развода будете решать, кто стоит у моих дверей?

— Я не позволю тебе умереть из упрямства.

Я медленно вдохнула.

Внутри шевельнулось письмо. Холодной бумагой у сердца.

«Леван защищает только то, что считает своим».

— Я больше не ваша, — сказала я.

Он замер.

Эти слова, кажется, попали туда, куда не смогли попасть ни мои насмешки, ни требования, ни кровь на свитке.

Впервые он выглядел не разгневанным.

Растерянным.

Будто эта простая мысль раньше не приходила ему в голову. Он мог отказаться от жены, привести другую, подписать развод, но где-то внутри всё ещё считал, что Тамара останется частью его мира. Больной, лишней, неудобной — но его.

Я подняла руку к запястью, чтобы поправить рукав, и вдруг почувствовала тяжесть.

Под кружевом, выше ожога от кольца, темнел браслет.

Я не замечала его раньше.

Тонкий, чёрный, будто сплетённый из остывшего пламени. Он плотно обхватывал руку. В центре — маленький камень, такой же красный, как тот, что треснул в брачном кольце.

Леван проследил за моим взглядом.

Его лицо изменилось.

— Не трогай.

Конечно.

После этих слов я сразу коснулась браслета.

Камень обжёг пальцы.

— Что это?

— Родовая брачная связь, — ответил он глухо. — Её нельзя снять сразу.

— Нельзя?

Я подцепила край браслета ногтем.

Леван резко шагнул ко мне.

— Тамара, не смей.

Не смей.

Эти слова окончательно решили всё.

Я дёрнула.

Боль была такой, будто с меня содрали кожу.

Перед глазами вспыхнуло белым. Я вскрикнула, но не отпустила. Браслет ожил в руке, сжался, впился в запястье, словно хотел удержаться. В воздухе запахло палёными травами и кровью.

Леван схватил меня за руку.

— Отпусти!

Не знаю, себе он говорил или мне.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Я уже отпустила.

И рванула браслет вниз.

Он лопнул с сухим, страшным звуком.

Чёрное пламя взметнулось между нами. Леван отшатнулся, будто огонь ударил и его тоже. Я упала на колени, прижимая руку к груди.

На запястье, там, где был браслет, проступала новая метка.

Не круг. Не цепь.

Крыло.

Чёрное драконье крыло, раскрытое над тонкой линией, похожей на детскую ладонь.

Леван смотрел на знак так, будто увидел не ожог.

Приговор.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Я подняла голову.

— Что это?

Он молчал.

И это молчание было страшнее любого ответа.

За окном вдруг ударил гром, хотя небо минуту назад было чистым. Пламя в камине потянулось ко мне, вытянулось тонкими языками, будто хотело коснуться метки.

Леван наконец произнёс:

— Шавцихе признала тебя раньше, чем ты вошла в её ворота.

А в груди, под тканью платья, письмо Тамары стало тёплым.

Словно мёртвая женщина впервые за всё это время вздохнула с облегчением.

Глава 4. Шавцixe

На рассвете за мной пришли молча.

Ни торжественного прощания, ни последнего разговора, ни хотя бы той жалкой вежливости, которой обычно прикрывают чужую жестокость. Просто дверь открылась, и на пороге появился седой управляющий в тёмном камзоле.

— Княгиня Орбелиани, карета готова.

Княгиня.

Ещё вчера это слово, наверное, было частью чужой власти. Сегодня звучало как насмешка.

Я стояла посреди комнаты в дорожном платье Тамары — тёмно-синем, почти чёрном, с высоким воротником и тугими рукавами. Служанки собирали мои вещи быстро, старательно не глядя в глаза. Платья, гребни, несколько книг, шкатулка с двойным дном, где теперь лежало письмо прежней Тамары.

Я не позволила им забрать письмо.

Оно было у меня под корсажем, у самого сердца.

«В Шавцixe дети».

Эта строка жила внутри меня всю ночь. Не давала уснуть. Не давала испугаться до конца. Потому что страх за себя — липкий, холодный, унижительный. А страх за детей, которых ты даже не видела, странным образом заставляет держать спину ровнее.

У выхода из дворца стояла карета с гербом Арагвели — чёрный дракон, сомкнувший крылья вокруг алого камня. Я остановилась перед дверцей и посмотрела на этот знак.

Ещё одна клетка, украшенная гербом.

Во дворе было сыро. Туман полз по камням, цеплялся за копыта лошадей. Слуги стояли у ступеней, стража — у ворот. Все знали, что происходит. Все видели, как из дома вывозят ненужную жену.

Левана не было.

Я сказала себе, что мне всё равно.

И почти поверила.

Но где-то глубоко, там, где ещё болела не моя память, что-то дрогнуло. Тамара, наверное, ждала бы его. Хотя бы издали. Хотя бы у окна. Хотя бы один последний взгляд — не холодный, не княжеский, человеческий.

Я подняла подбородок.

— Поехали.

Управляющий помог мне сесть. Дверца закрылась. Колёса скрипнули.

Дворец Арагвели начал отдаляться.

Высокие стены. Серебряные крыши. Башни, на которых в утреннем свете дремали каменные драконы. Там осталась чужая жизнь, чужой брак, чужая боль. И всё же, когда ворота закрылись за каретой, внутри меня что-то оборвалось так резко, будто на самом деле меня не вывезли — отрезали.

Я прижала руку к запястью.

Метка под рукавом была горячей.

Чёрное крыло и тонкая линия, похожая на детскую ладонь.

«Шавцихе признала тебя раньше, чем ты вошла в её ворота».

Слова Левана возвращались снова и снова.

А что, если это не признание?

Что, если это ловушка?

Дорога сначала шла через город. Узкие улицы просыпались: торговцы открывали лавки, женщины выливали воду на каменные ступени, дети гнались за собаками. Кто-то узнавал герб на карете и кланялся. Кто-то замечал меня за стеклом — и отворачивался слишком быстро.

Новости летят быстрее лошадей.

К полудню город остался позади.

Начались холмы, потом виноградники. Чёрные лозы тянулись по склонам, как старые пальцы. Между ними стояли каменные башенки, маленькие часовни, высохшие колодцы. Ветер пах землёй, дымом и терпким виноградным листом.

Красиво.

Так красиво, что становилось ещё больше.

В моём мире после развода я ехала в старой маршрутке с двумя сумками у ног. За окном были серые дома, мокрый асфальт и реклама доставки пиццы. Я тогда тоже смотрела в стекло и думала: как странно, мир не рухнул. Люди идут, машины едут, кто-то покупает хлеб. А внутри тебя уже нет

прежней жизни.

Теперь за окном были горы и драконьи земли.

Но чувство было тем же.

Меня выгнали.

Только теперь — в сказку, которая слишком сильно пахла смертью.

К вечеру карета начала подниматься в горы. Дорога стала хуже. Колёса проваливались в ямы, лошади фыркали, кучер всё чаще крестился странным жестом — двумя пальцами касался лба, губ и груди. Сопровождающие стражники, которых Леван всё-таки навязал мне, переговаривались тише.

Я откинула занавеску.

Впереди, за серым туманом, на уступе горы стояла крепость.

Шавцихе.

Чёрные башни поднимались из скалы, как обгоревшие кости. Стены были высокими, неровными, будто их строили не люди, а сама гора вытолкнула из себя камень и приказала ему стать домом. Над воротами висел старый герб Орбелиани — не дракон, а раскрытая женская ладонь, над которой горела звезда.

И от этой звезды у меня внезапно защемило глаза.

Не мои воспоминания.

Тамара когда-то стояла здесь ребёнком. Маленькая девочка с косой, в светлом платье, рядом женщина с тёплыми руками. Смех. Запах свежего хлеба. Солнечные пятна на кам-

нях.

Потом воспоминание изменилось.

Та же крепость. Только ворота заколочены. Чёрные ленты на башнях. Женщина с тёплыми руками лежит на белой ткани. Кто-то шепчет: «Источник высох. Род наказан».

Я вздрогнула.

— Княгиня? — спросил управляющий напротив.

Я только сейчас вспомнила, что он ехал со мной.

— Что с источником? — спросила я.

Он побледнел.

— С каким источником?

— С тем, который высох.

Управляющий отвёл глаза.

— В Шавцихе много старых сказок.

— Я спросила не о сказках.

Он поджал губы.

— Источник Орбелиани молчит больше двадцати лет. После смерти вашей матери, княгиня.

Моей матери.

Тамариной.

Я отвернулась к окну, чтобы он не увидел моего лица.

Значит, Тамара потеряла мать. Потеряла дом. Потом мужа. Потом, возможно, саму себя.

Сколько раз можно оставаться без всего и всё ещё продолжать дышать?

Карета остановилась у ворот.

Никто не вышел навстречу.

Только ветер.

Он выл в щелях башен, будто крепость дышала сквозь сломанные зубы. Стражники переглянулись. Один из них спрыгнул с коня, подошёл к воротам и ударил кулаком по чёрному дереву.

— Открывайте именем князя Арагвели!

Ничего.

Он ударил снова.

— Открывайте!

Ворота скрипнули сами.

Медленно. Тяжело. Без человеческой руки.

Стражник отшатнулся.

Кучер выругался шёпотом.

А я почувствовала, как метка на запястье нагрелась почти до боли.

Не приглашение.

Проверка.

Я вышла из кареты сама, не дожидаясь поданной руки. Ноги затекли после долгой дороги, подол цеплялся за камни. Но я пошла вперёд.

— Княгиня, — управляющий схватил меня за рукав. — Позвольте сначала осмотреть...

Я посмотрела на его пальцы.

Он тут же отпустил.

Вот так. Хорошо. Учимся.

Я переступила порог ворот.

И крепость вздохнула.

Я клянусь — вздохнула.

Где-то глубоко под землёй прошёл низкий гул. Пыль посыпалась с арки. В окнах без стёкол мелькнул синий огонёк и исчез. Стены, чёрные и мёртвые снаружи, внутри оказались испещрены тонкими прожилками, похожими на высохшие вены.

Шавцихе смотрела на меня.

Не глазами.

Камнем. Воздухом. Тишиной.

Я остановилась посреди двора.

— Я пришла, — сказала я тихо.

Стражники за спиной нервно зашевелились. Управляющий пробормотал что-то о сумасшествии.

А крепость ответила.

Двери главного дома распахнулись.

Одна створка сорвалась с нижней петли и ударилась о стену. Изнутри вырвался запах пыли, сырости, старого дерева и трав. Не мёртвый запах. Заброшенный, да. Но под ним было что-то живое. Тёплое. Как дыхание человека, который слишком долго притворялся трупом.

На пороге стояла старуха.

Маленькая, сухая, в тёмном платье и сером платке. Лицо — в глубоких морщинах, глаза — чёрные, острые. В руках она держала тяжёлую связку ключей, хотя двери, кажется,

открывались без неё.

— Долго же ты добиралась, девочка, — сказала она.

Управляющий возмутился:

— Перед вами княгиня Орбелиани!

Старуха даже не посмотрела на него.

— Передо мной та, кого дом впустил. Остальные могут постоять снаружи.

Я вдруг поняла.

— Марта?

Её лицо дрогнуло.

— Значит, письмо нашла.

Я кивнула.

И в этот момент всё стало слишком настоящим.

Не бред. Не сон. Не последняя вспышка умирающего сознания.

Марта. Шавцихе. Письмо. Дети.

Я сжала руки.

— Они живы?

Старуха бросила быстрый взгляд на стражников и управляющего.

— Стены здесь тонкие только для тех, кого дом любит, княгиня. Для остальных они слишком хорошо слышат.

Я поняла.

— Мои вещи занести в дом, — приказала я, не оборачиваясь. — Стража может возвращаться.

Управляющий побагровел.

— Князь Леван велел оставить охрану.

— А я велю возвращаться.

— Но...

Я повернулась к нему.

Не знаю, что было в моём лице. Наверное, усталость. Злость. Страх, затвердевший до камня. Но он замолчал.

— Передайте князю Арагвели, — сказала я, — что в доме, который он отдал бывшей жене, его приказы больше не живут.

Марта хмыкнула.

Стражники переглянулись. Им очень хотелось спорить, но ещё сильнее — уехать до темноты. Это было видно по глазам. Шавцихе пугала их больше, чем гнев Левана.

Через полчаса двор опустел.

Карета уехала. Стражники исчезли за воротами. Управляющий последним сел в седло, бросив на меня взгляд, в котором было и осуждение, и облегчение.

Когда ворота закрылись за ними сами, громко, окончательно, у меня внутри что-то сжалось.

Я осталась.

В проклятой крепости.

С сумками, письмом мёртвой женщины, меткой на руке и старухой, которую все считали сумасшедшей.

— Ну что, — сказала Марта. — Добро пожаловать домой.

Я хотела ответить, что это не мой дом.

Но стены тихо зашептали.

Сначала я решила, что это ветер. Потом различила слова. Чужой язык — резкий, древний, полный шороха камней и треска огня. Я не знала его. И всё равно понимала.

«Вернулась».

У меня пересохло во рту.

— Что они говорят?

Марта посмотрела на стены.

— Если слышишь — сама знаешь.

— Я не Тамара.

Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить.

Старуха долго смотрела на меня. Очень долго.

Потом подошла ближе и неожиданно взяла моё лицо в ладони. Её пальцы были сухими, тёплыми, пахли полыньёю.

— Тамара умерла бы молча, — сказала она тихо. — А ты приехала с огнём в крови. Дом редко ошибается, девочка. Люди — да. Драконы — постоянно. Дом — почти никогда.

У меня задрожали губы.

— Я не знаю, что делать.

— Знаешь. Просто пока боишься.

— Я даже не понимаю, где я.

— В месте, где тебя не выбросили, а ждали.

Эти слова ударили сильнее, чем все оскорбления Совета.

Потому что я не была готова к доброте.

К грубости — да. К предательству — да. К опасности — уже почти да.

Но не к тому, что старая незнакомая женщина в прокля-

той крепости посмотрит на меня так, будто я не ошибка, не чужая душа, не лишняя жена, а кто-то, кому можно открыть дверь.

Я отвернулась.

— Покажи мне дом.

Марта не стала делать вид, что не заметила моих слёз.

И за это я была ей благодарна.

Шавцихе внутри была огромной. Слишком огромной для двух женщин. Широкие коридоры, потрескавшиеся фрески, лестницы, уходящие туда, где не должно было быть этажей. В некоторых комнатах мебель была накрыта белыми полотнами. В других стояли пустые детские кровати. Я задержалась возле одной из них, но Марта мягко коснулась моего локтя.

— Не сейчас.

— Там были дети?

— Здесь много чего было.

— Марта.

Старуха вздохнула.

— Здесь был род. Шумный, гордый, дурной до безобразия. Женщины Орбелиани рожали не только детей, но и клятвы. Мужчины чаще всего их нарушали.

Я почти улыбнулась.

— Звучит знакомо.

— Все родовые истории похожи, если снять с них гербы.

Мы прошли мимо зала с высохшим фонтаном. В центре чаши лежали серые листья, хотя деревьев рядом не было. На

стене над фонтаном была высечена та же ладонь со звездой.

Метка на запястье снова кольнула.

— Это источник?

Марта помрачнела.

— То, что от него осталось.

Я подошла ближе. Каменная чаша была холодной. Пустой.

Но когда я наклонилась, на самом дне мелькнуло отражение.

Не моё.

Детские глаза.

Я резко отшатнулась.

— Там кто-то есть.

— Не смотри долго, — сказала Марта. — Дом показывает не только то, что есть. Иногда то, чего боится.

— Дети в безопасности?

Марта молчала слишком долго.

— Насколько возможно в доме, который ищет Совет.

— То есть нет.

— То есть они живы.

Вечер окончательно опустился на Шавцихе. Марта отвела меня в комнату на втором этаже. Не роскошную — простую, с камином, тяжёлой кроватью, старым сундуком и окном на горы. На столе уже стоял ужин: хлеб, сыр, миска горячей похлёбки.

— Ешь.

— Я не голодна.

— Все, кто говорит так после дороги, потом падают в об-

морок в самый неподходящий момент. Ешь.

Я послушалась.

И только когда первая ложка горячей похлёбки обожгла язык, поняла, что не ела почти сутки.

Марта сидела напротив и вязала что-то серое, похожее на детский шарф.

— Леван знает? — спросила я.

— О чём?

— О детях.

Спицы замерли.

— Если бы знал, здесь уже стояли бы его люди. Или люди Совета. Иногда разница только в гербе на плаще.

— Тамара хотела ему сказать.

— Тамара много чего хотела. Хотеть — не значит успеть.

— Она боялась его?

Марта подняла глаза.

— Она боялась, что он не поверит.

Почему-то это оказалось ещё хуже.

Я отодвинула миску.

За стеной что-то скрипнуло.

— Это дом? — спросила я.

— Дом.

Скрип повторился.

Потом — тихий звук.

Всхлип.

Я застыла.

Марта тоже.

Её лицо стало каменным.

— Тебе нужно спать.

— Это ребёнок.

— Тебе показалось.

За стеной снова заплакали.

Тихо, сдавленно, так плачут дети, которые уже знают: если плакать громко, придут плохие взрослые.

Я поднялась.

— Где они?

Марта встала передо мной.

— Не сейчас.

— Где они?

— Они не готовы.

— К чему? Ко мне?

— К любой взрослой женщине, которая может привести за собой смерть.

Слова были жестокими. Но честными.

Я посмотрела на закрытую дверь. Плач стал тише, будто ребёнок зажал рот ладонью.

И во мне что-то оборвалось.

Я больше не была женщиной из маршрутки, которая везёт две сумки после развода. Не была Тамарой, молча умирающей в золотой клетке. Не была княгиней, изгнанной в проклятую крепость.

Я была просто взрослым человеком, который слышит, как

за стеной плачет ребёнок.

— Марта, — сказала я. — Я не знаю, как быть хозяйкой крепости. Не знаю, как быть княгиней. Не знаю, как управлять магией. Но я знаю одно: если ребёнок плачет за стеной, я не лягу спать.

Старуха закрыла глаза.

На её лице отразилась такая усталость, будто она держала этот дом на плечах много лет.

Потом Марта вытащила из кармана ключ.

— Дом уже решил, — прошептала она. — Я просто надеялась, что у нас будет ещё одна ночь.

— Для чего?

— Чтобы подготовить их к тебе. И тебя — к ним.

Она подошла к книжному шкафу, стоявшему у дальней стены. Провела пальцами по корешкам старых книг, нажала на один — с пустой обложкой, без названия.

Шкаф дрогнул.

Каменная стена за ним разошлась узкой тёмной щелью.

Изнутри пахло холодом, пеплом и детским страхом.

Плач оборвался.

Я взяла свечу.

Марта коснулась моей руки.

— Не делай резких движений. Не повышай голос. И что бы ни случилось — не смотри Темуру прямо в глаза, если он начнёт шипеть.

— Шипеть?

Ответ пришёл раньше, чем она успела сказать.

Из темноты вспыхнули два жёлтых глаза.

Потом ещё одни — серые, огромные.

И ниже, у самого пола, что-то маленькое, покрытое тёмной чешуёй, судорожно втянуло воздух.

Я сделала шаг внутрь.

Комната была круглой, низкой, освещённой синими линиями защитного круга на полу. Внутри круга сидели трое детей.

Мальчик лет двенадцати поднялся первым. Худой, с расчёсанными тёмными волосами, босой, в старой рубашке. Его пальцы были сжаты, ногти чуть удлиннились, стали похожи на когти. На скулах проступила чешуя.

— Уходи, — сказал он.

Голос был хриплым. Злым. Испуганным.

За его спиной девочка лет девяти прижимала к груди тряпичную куклу. Она смотрела на меня так, будто видела не лицо, а всё, что под ним.

А у её ног дрожал маленький драконёнок.

Не игрушечный. Не сказочный.

Настоящий.

С тонкими крыльями, прижатыми к бокам, с мокрыми от слёз глазами.

Лука.

Я поняла это сразу.

Сердце болезненно сжалось.

— Я не причиню вам вреда, — сказала я тихо.

Мальчик оскалился.

— Все так говорят.

— Темур, — прошептала Марта.

— Молчи! — он не обернулся. — Ты привела её!

Я опустилась на корточки, хотя Марта резко втянула воздух. Хотела быть ниже. Не нависать. Не быть ещё одной взрослой тенью над их головами.

— Меня зовут...

Я замолчала.

Арина? Тамара?

Кто я для них?

Девочка с куклой вдруг сказала:

— Ты не она.

Марта побледнела.

Темур замер.

Я медленно повернула голову к девочке.

— Что?

Она смотрела прямо в меня. Спокойно. Страшно спокойно.

— Ты не та, которая плакала у двери. Но дом тебя пустил.
У меня похолодели руки.

Темур сделал шаг вперёд.

— Не подходи.

— Я и не подхожу.

— Ты отдашь нас Совету?

— Нет.

— Лжёшь.

— Нет.

— Все взрослые лгут!

Он поднял руку.

Пламя родилось у него на ладони мгновенно — синее, злое, живое. Не как огонь в камине. Это было нечто другое. Магия, страх и ярость, сжатые в детской руке.

Марта вскрикнула:

— Темур, не надо!

Но он уже ударил.

Огонь сорвался с его ладони и полетел прямо мне в лицо.

Глава 5. Дети, которых спрятала Тамара

Огонь летел мне в лицо.

Синий, злой, живой.

Я успела увидеть, как он отразился в глазах Марты. Успела услышать, как маленький драконёнок под столом тонко пискнул. Успела подумать — странно спокойно, почти устало: вот и всё. Пережила развод, Совет, чужое тело, проклятую крепость, чтобы погибнуть от руки испуганного мальчишки.

Но тело не отступило.

Не знаю, почему.

Может, потому что я слишком устала убегать. Может, потому что в глазах Темура было не желание убить — страх. Обычный, детский, загнанный в угол страх, которому кто-то дал огонь и сказал: защищайся, иначе тебя заберут.

Я подняла руку.

Не как маг. Не как княгиня. Не как женщина, знающая, что делает.

Просто закрылась ладонью.

Метка на запястье вспыхнула.

Боль прорезала руку до самого плеча. Чёрное крыло на коже будто раскрылось, ожило, и синие языки пламени не

ударили в лицо — остановились в ладони, завертелись, зашипели, как зверь, наткнувшийся на клетку.

Я ахнула.

Огонь был горячим и ледяным одновременно. Он не жёг кожу, но забирался под неё, в кости, в память, туда, где жили все мои прежние страхи. Я почувствовала боль Темура. Не мысли — именно боль. Тесная клетка. Мужские голоса. Запах железа. Чья-то рука на затылке, прижимающая лицо к камню. Слова: «Дефектный. Опасный. Исправить или уничтожить».

Я вскрикнула и сжала пальцы.

Пламя погасло.

В комнате стало темно.

Только защитный круг на полу ещё светился синими линиями, дрожащими, как вены под тонкой кожей.

Темур смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Он сам, кажется, не ожидал, что огонь остановится. Его рука всё ещё была вытянута, пальцы дрожали, на скулах серебрилась чешуя.

— Ты... — выдохнул он. — Ты не сгорела.

Я медленно опустила руку.

Ладонь была цела. Но метка горела так, будто под кожу положили раскалённый уголь.

— Не в этот раз, — сказала я хрипло.

Марта шагнула ко мне.

— Княгиня...

— Не подходи, — резко бросил Темур.

Старуха замерла.

Я подняла вторую руку, останавливая её.

— Всё хорошо.

— Ничего не хорошо, — прошипел мальчик.

И в этом шипении было больше отчаяния, чем злости.

Он стоял перед Мариам и Лукой, как маленький солдат перед разрушенной крепостью. Худой, босой, с обожжёнными рукавами, с глазами ребёнка, которому слишком рано объяснили, что мир взрослых не защищает — он забирает.

— Ты пришла за нами, — сказал он. — Как они.

— Нет.

— Все говорят «нет».

— Я знаю.

Он моргнул.

Я опустилась ниже, почти на пол, чтобы быть с ним на одном уровне. Колени заболели от камня, но я не пошевелилась.

— Я тоже слышала это слово от людей, которые потом делали больно.

Темур недоверчиво сузил глаза.

— Ты княгиня.

— Сегодня утром меня вывезли из дома, потому что мой муж решил, что другая женщина нужнее его роду.

Марта тихо втянула воздух, будто я сказала лишнее.

Но дети замерли.

Мариам, до этого молчавшая за спиной Темура, чуть наклонила голову. Её глаза были серыми, огромными, слишком взрослыми. В таких глазах у детей обычно живёт не мудрость, а пережитое горе.

— Он выбросил тебя? — спросила она.

Вопрос был простым.

И от этой простоты внутри что-то треснуло.

Я могла бы поправить: развёлся, расторг союз, отправил в родовую крепость. Можно было подобрать красивое слово, как взрослые всегда подбирают красивые слова для некрасивых поступков.

Но я сказала правду:

— Да.

Мариам посмотрела на Темура.

— Дом говорил.

— Дом много говорит, — огрызнулся он. — Не всему надо верить.

— Он сказал: придёт выброшенная.

У меня похолодело в груди.

Марта перекрестилась своим странным жестом.

— Мариам...

Девочка не отвела взгляда.

— Ты не Тамара.

В комнате стало так тихо, что я слышала, как маленький Лука под столом втянул носом воздух.

Темур резко повернулся к ней:

— Молчи!

— Она не Тамара, — повторила Мариам. — У Тамары душа была как свечка за мокрым стеклом. А у неё... как дверь, которую выбили ногой.

Я не знала, плакать или смеяться.

Наверное, это было самое точное описание меня за всю мою жизнь.

— Мариам видит то, что другие не видят, — сказала Марта тихо. — Иногда лучше, чем надо.

Темур снова посмотрел на меня. Теперь в его взгляде было не только недоверие. Там появился вопрос. Опасный, хрупкий.

— Если ты не она, тогда кто?

Я открыла рот.

И не смогла ответить.

Кто я?

Арина, умершая под дождём в другом мире? Тамара Орбелиани, чьё тело теперь дышит моими лёгкими? Чужая женщина, которой мёртвая княгиня оставила детей и проклятую крепость? Ошибка источника? Или его последняя попытка?

— Я не знаю, — сказала честно.

Темур фыркнул.

— Удобно.

— Зато правда.

Он не нашёлся, что ответить.

Маленький драконёнок под столом шевельнулся. Чешуя у него была тёмная, почти чёрная, но на кончиках крыльев мерцали серебристые пятнышки. Он был размером с крупную собаку, только слишком худой, с тонкой шеей, большими глазами и дрожащими лапами.

— Лука? — тихо позвала я.

Драконёнок вздрогнул так, будто имя ударило его.

Темур сразу шагнул боком, закрывая его собой.

— Не смей.

— Я просто позвала.

— Не смей говорить его имя так, будто имеешь право.

Я кивнула.

— Хорошо. Не буду.

Он снова растерялся.

Кажется, взрослые редко соглашались с ним сразу.

Марта осторожно подошла к стене и зажгла маленький светильник. Тёплый жёлтый свет разлился по комнате, и она стала меньше походить на темницу. Хотя, если честно, темницей и была.

Круг на полу. Три тонких матраса. Сундук с детской одеждой. Полка с деревянными фигурками. Миска с недоеденной кашей. Кувшин воды.

Я посмотрела на Марту.

— Они живут здесь?

Старуха отвела глаза.

— Здесь их не слышит внешний двор.

— Они живут здесь? — повторила я.

Марта сжала губы.

— Пока это было безопаснее всего.

Внутри меня поднялась злость.

Не на неё. Не совсем.

На мир, где безопасность для детей выглядела как круг на каменном полу и тайная комната за шкафом.

— Что с ними сделал Совет?

Темур оскалился.

— Ничего. Мы сбежали раньше.

— Темур, — прошептала Мариам.

Он резко обернулся.

— Что? Она всё равно узнает. Все хотят знать, что с нами не так.

Я не стала говорить, что с ними всё так. Такие фразы иногда ранят сильнее. Потому что ребёнок, которому много раз объяснили его неправильность, не поверит красивому утешению с первого раза.

— Я хочу знать, от кого вас защищала Тамара, — сказала я. — Это другое.

Темур долго смотрел на меня.

Потом медленно опустил руку. Чешуя на его скулах стала бледнее.

— Они называли это исправлением, — сказал он. — Если дракон не обращается правильно, его нужно исправить. Если видит мёртвых — очистить. Если огонь не слушается —

подавить. Если кровь не та — проверить.

Последнее слово он произнёс почти шёпотом.

Марта закрыла глаза.

Я почувствовала, как у меня холодеют пальцы.

— Проверить как?

Темур усмехнулся. Криво, зло, не по-детски.

— Ножам. Камням. Песнями, от которых кровь идёт из носа. Вопросами. Всегда одними и теми же: кто твой отец? кто твоя мать? что ты слышишь во сне? почему источник реагирует на тебя?

Мариам обняла куклу крепче.

— Они спрашивали у Луки, — сказала она. — А он не умеет говорить.

Маленький драконёнок тихо заскулил.

И вдруг я уже не могла сидеть на месте.

Я поднялась. Темур тут же напрягся, но я не пошла к ним.

Подошла к стене. Уперлась ладонью в холодный камень.

— Слышишь? — спросила я крепость.

Марта резко подняла голову.

Я не знала, к кому обращаюсь. К дому? К источнику? К мёртвой Тамаре? К самой себе?

— Если ты правда меня впустила, — сказала я тихо, — значит, теперь слушай. Эти дети больше не будут жить за стеной, как преступники.

Шавцихе ответила не сразу.

Сначала где-то далеко скрипнула балка. Потом в коридоре

глухо ударила дверь. Потом защитный круг на полу дрогнул.

Марта побледнела.

— Княгиня, осторожнее.

— Я сказала, — повторила я, чувствуя, как метка на руке снова нагревается, — не будут.

Синие линии круга вспыхнули.

Темур вскрикнул:

— Не трогай!

Он бросился к Луке, Мариам зажмурилась.

Я тоже испугалась. Господи, я понятия не имела, что делаю. Не знала ни одного заклинания, ни одного правила. В моём мире я умела оплачивать счета, искать скидки в супермаркете и молчать, когда больно. Всё. Этого явно было мало, чтобы спорить с магической крепостью.

Но круг не сжался.

Он раскрылся.

Одна линия за другой погасли, будто кто-то снимал с пола невидимые замки. В воздухе запахло дождём и пылью. Стена за моей спиной стала тёплой.

Марта прошептала:

— Дом принял приказ.

Темур смотрел на пол так, словно не понимал, почему небо не рухнуло.

— Мы... можем выйти?

Голос у него сорвался.

Вот теперь мне захотелось плакать.

Я вспомнила себя в день, когда наконец вынесла последний пакет из квартиры бывшего мужа. Как стояла в подъезде и не могла поверить, что могу пойти куда угодно. Что никто не спросит, почему я задержалась. Никто не скажет, что я мешаю. Свобода иногда сначала похожа не на радость, а на пустоту под ногами.

— Можете, — сказала я. — Но если пока страшно, можно не сразу.

Темур сглотнул.

Мариам поднялась первой. Сделала один маленький шаг за линию круга. Потом второй.

Ничего не случилось.

Она повернулась к Луке.

— Видишь? Дом не сердится.

Драконёнок дрожал. Он смотрел то на меня, то на погасший круг, то на Темура.

Темур сел рядом с ним на корточки.

— Не надо, если не хочешь.

Лука сделал шаг.

Потом ещё один.

Его коготки тихо цокнули по камню за пределами круга.

И вдруг он рванулся не к Марте. Не к Темуру. Не к Мариам.

Ко мне.

Я не успела даже вдохнуть, как маленькое горячее тело врезалось в мои колени. Лука ткнулся мордой мне в ладонь

и замер, будто сам испугался того, что сделал.

Я не двигалась.

Только очень осторожно опустила руку ему на голову.

Чешуя оказалась не холодной, как я думала, а тёплой, бархатистой у основания маленьких рожек.

Лука зажмурился.

Из его груди вырвался тихий звук — не рычание, не плач. Что-то похожее на сломанное мурлыканье.

И всё.

Я пропала.

Можно было сколько угодно убеждать себя, что это не моя жизнь. Не мой мир. Не мои дети. Не моя война.

Но маленький драконёнок стоял у моих колен, дрожал от страха и доверял мне больше, чем я заслужила.

Как после этого уйти?

Темур смотрел на нас так, будто я совершила нечто невозможное. В его глазах была злость, ревность, облегчение и ещё что-то — почти мольба.

— Если ты его обидишь, — сказал он глухо, — я тебя убью.

Я кивнула.

— Справедливо.

Марта отвернулась к стене, но я всё равно увидела, как она вытерла глаза краем платка.

Позже мы вывели детей в кухню.

Это заняло почти час. Мариам шла тихо, касаясь пальца-

ми стен, будто здоровалась с ними. Темур держался позади, проверяя каждый угол. Лука сначала пытался идти на лапах, потом устал, и мне пришлось сесть прямо на ступеньку, чтобы он положил голову мне на колени.

— Он не всегда такой маленький, — сказал Темур, будто оправдываясь. — Просто сил мало.

— Я не считаю его маленьким, — ответила я.

— Все считают.

— Я не все.

Он фыркнул, но уже без прежней ненависти.

На кухне Марта поставила на стол хлеб, сыр, мёд, горячее молоко и тушёное мясо. Дети ели сначала настороженно, потом жадно. Лука не мог держать ложку, и Мариам кормила его кусочками хлеба, макая их в подливку. Темур делал вид, что не голоден, но съел больше всех.

Я смотрела на них и чувствовала, как во мне растёт что-то незнакомое.

Не любовь ещё. Нет.

Ответственность.

Тяжёлая, страшная, почти невыносимая.

Я могла умереть здесь. Могла не справиться. Могла оказаться слабее Совета, Левана, Кетеван, всей этой драконьей системы, которая перемалывала женщин и детей так же спокойно, как мельница зерно.

Но теперь я хотя бы знала, за что стою.

Марта села рядом, когда дети начали клевать носом.

— Тамара привезла их по одному, — сказала она тихо.
— Темура ночью, в телеге с капустой. Мариам — под видом больной племянницы служанки. Луку... Луку принесла сама. В плаще. Весь плащ был в крови.

Я медленно повернула к ней голову.

— В чьей крови?

Марта долго молчала.

— Не сегодня, девочка.

Я хотела возразить, но в этот момент Шавцихе содрогнулась.

Не сильно.

Но все почувствовали.

Темур вскочил. Лука проснулся и заскулил. Мариам уронила куклу.

— Что это? — спросила я.

Марта уже шла к двери.

— Ворота.

Мы выбежали во двор.

Ночь была чёрной, безлунной. Ветер бил в лицо ледяной ладонью. Башни Шавцихе стояли неподвижно, но мне казалось, что вся крепость напряглась, как зверь, почуявший охотников.

На воротах светилась надпись.

Не краской.

Кровью.

Свежей, тёмной, медленно стекающей по чёрному дереву.

«ВЕРНИТЕ ДРАКОНЯТ СОВЕТУ».

Темур издал короткий звериный звук.

Мариам прижала ладони к ушам.

Лука спрятался за мою юбку.

А я смотрела на кровавые буквы и чувствовала, как страх внутри меня превращается в нечто другое.

Холодное.

Твёрдое.

Острое.

Я шагнула вперёд, закрывая собой детей.

— Поздно, — сказала я в темноту за воротами. — Они уже дома.

Глава 6. Чёрный дракон над горами

Кровь на воротах не стекала.

Она жила.

Медленно, вязко, тёмно блестела в свете факела и складывалась в буквы так ровно, будто их выводила не рука, а сама ненависть.

«ВЕРНИТЕ ДРАКОНЯТ СОВЕТУ».

Я стояла перед воротами Шавцихе и чувствовала, как маленькие коготки Луки цепляются за мою юбку. За спиной тяжело дышал Темур. Мариам молчала — и это пугало сильнее всего. Дети, которые видят слишком много, редко кричат первыми.

Марта держала факел. Огонь дрожал, хотя ветра почти не было.

— Они близко, — сказала она.

— Кто?

Старуха посмотрела на чёрные створки ворот.

— Те, кто не любит ждать ответа.

Я медленно повернулась к детям.

— В дом.

Темур вскинул подбородок.

— Я останусь.

— Нет.

— Я умею драться.

— Ты ребёнок.

Это слово ударило его сильнее пощёчины. Он побледнел, потом оскалился.

— Я не ребёнок.

Я сделала шаг к нему и опустилась на корточки, чтобы смотреть не сверху.

— Ты ребёнок, Темур. И это не оскорбление. Это то, что у тебя украли. Но пока я стою здесь, я не позволю тебе платить взрослую цену за чужую мерзость.

Он открыл рот — и не нашёлся, что сказать.

В его глазах мелькнуло нечто такое, от чего у меня сжалось горло. Недоверие. Желание поверить. Страх, что если поверит — потом будет большее.

Мариам подошла тихо, положила ладонь ему на локоть.

— Дом сердится, — прошептала она.

Как будто подтверждая её слова, Шавцихе низко загудела. Где-то в глубине крепости хлопнула дверь. Потом ещё одна. Потом десятки замков одновременно щёлкнули в стенах, будто старый дом просыпался и проверял зубы.

Я поднялась.

— Марта, уведи их.

— А ты?

— Я должна понять, что происходит.

Марта хотела возразить, но лишь сжала губы. Старая женщина уже слишком давно жила рядом с опасностью, чтобы тратить время на пустые споры.

— В западную кухню, — сказала она детям. — Через нижний ход.

— Нет! — Темур рванулся вперёд. — Я не спрячусь опять в стенах!

— Спрячешься, — отрезала Марта. — Потому что мёртвый храбрец не защитит ни Мариам, ни Луку.

Он вздрогнул.

Лука тихо заскулил у моей юбки.

Я присела и осторожно коснулась его головы. Маленькая чешуя была горячей.

— Иди с Мартой. Пожалуйста.

Не приказ. Просьба.

Лука поднял на меня мокрые глаза. Потом, дрожа, отступил к Мариам.

Темур задержался последним.

— Если ты нас отдашь...

— Я уже сказала: нет.

— Все говорят.

— А я повторю столько раз, сколько понадобится, пока ты не начнёшь верить.

Он отвернулся первым.

Марта увела детей в темноту коридора. Я слышала их шаги ещё несколько секунд, потом дом будто проглотил звуки.

Во дворе остались только я и ворота с кровавой надписью.

И Шавцихе.

— Ну что, — прошептала я, чувствуя себя полной иди-

откой, потому что разговаривала с камнями. — Ты ведь не просто так открыла мне двери. Поможешь?

Стены молчали.

— Прекрасно. Значит, как обычно: сначала вы все признаёте женщину хозяйкой, а потом оставляете разбираться самой.

Где-то над головой посыпалась пыль.

Мне показалось, дом фыркнул.

Я почти улыбнулась.

И в этот момент за воротами раздался первый удар.

Тяжёлый.

Глухой.

Так стучат не кулаком. Тараном.

Дерево вздрогнуло. Кровавые буквы засияли ярче.

Сердце подскочило к горлу.

Второй удар.

На этот раз где-то в верхней части ворот треснула старая балка.

Я бросилась к дому.

— Марта!

Но крепость уже отвечала.

Ставни захлопнулись сами. Окна, где ещё недавно горели слабые огоньки, потемнели. По двору пробежал синий свет — тонкими линиями, как сеть трещин под каменной кожей. Ворота окутались дымной тенью.

Третий удар.

Тень дрогнула, но удержалась.

Я влетела в главный зал. Факелы на стенах зажглись без руки. Лестница впереди вдруг сместилась — я видела это собственными глазами: каменные ступени, ведущие на второй этаж, бесшумно повернулись, закрывая один проход и открывая другой.

— Что ты делаешь? — выдохнула я.

Дом зашептал.

Слова накладывались друг на друга, как голоса в толпе.

«Прячь. Запирай. Не отдавай. Кровь пришла за кровью».

— Где дети?

Ответ пришёл не звуком. Ощущением.

Западное крыло. Внизу. За кухней. Сердце дома.

Я не знала, откуда это поняла. Просто ноги сами понесли туда.

За спиной снова грохнуло.

Потом — треск.

Ворота не выдержали.

Шавцихе вскрикнула.

Не по-человечески. Камнем. Железом. Сотней старых дверей. Факелы вспыхнули синим, и по коридору покатился ветер, пахнувший пеплом.

Я остановилась у поворота.

В главный двор вошли люди.

Их было не меньше десяти. Может, больше. Тёмные плащи. Маски без лиц — гладкие, костяные, с узкими прореза-

ми для глаз. В руках — короткие клинки, на которых горели серые руны.

Один из них поднял ладонь.

— Дом признал новую хозяйку, — сказал он. Голос был приглушён маской. — Значит, дети здесь.

Меня заметили.

Все сразу.

Тишина между нами стала такой плотной, что её можно было резать.

— Княгиня Орбелиани, — сказал тот, что стоял впереди.

— Совет требует вернуть принадлежащее ему имущество.

Имущество.

Я вдруг перестала бояться.

Не совсем. Страх никуда не ушёл. Он просто стал ниже, под ногами, как холодная вода в подвале. А сверху поднялось другое.

Ярость.

— Дети не имущество.

Человек в маске чуть наклонил голову.

— Драконята с повреждённой кровью находятся под юрисдикцией Совета.

— А женщины с повреждённой жизнью под чьей юрисдикцией? Или нас тоже удобно списывать в имущество?

Он сделал шаг.

— Нам нужны дети. И дневники Тамары Орбелиани.

Дневники.

Значит, они знали.

Значит, письмо было только частью. Где-то в Шавцихе оставались записи прежней Тамары, доказательства, тайны. И эти люди пришли не просто за детьми. Они пришли стереть всё, что мёртвая женщина успела спрятать.

— Уходите, — сказала я.

Один из нападавших рассмеялся.

Коротко. Без радости.

— Она правда думает, что стала хозяйкой.

Главный поднял руку, останавливая его.

— Последний раз. Дети и бумаги. Добровольно. Тогда вы останетесь живы.

Я посмотрела на его маску.

И вспомнила Левана. Совет. Кетеван. Слова «тебе дадут золото». «Ты не выживешь там одна». «Княгини обычно не спорят». Сколько раз мне уже предлагали остаться живой в обмен на то, чтобы я отдала себя по частям?

Сначала голос.

Потом дом.

Теперь детей.

— Нет.

Он вздохнул.

— Жаль.

И дом взорвался движением.

Первый нападавший бросился ко мне. Я отшатнулась, но пол под его ногами внезапно ушёл вниз. Не рухнул — от-

крылся, как пасть. Мужчина провалился по пояс, вскрикнул, и каменные плиты сомкнулись вокруг него, удерживая.

Второго ударила дверь. Тяжёлая дубовая створка сорвалась с петель и с такой силой впечатала его в стену, что маска треснула.

Третий попытался проскочить по лестнице — но ступени повернулись, сбросили его обратно во двор.

Шавцихе защищалась.

Живо.

Я стояла посреди хаоса и чувствовала каждое движение дома так, будто это мои собственные мышцы. Вот коридор сужается. Вот ставни закрывают окна в детской кухне. Вот старая кладовая прячет ход. Вот в подвале просыпается холодный источник, сухой, но всё ещё помнящий воду.

Метка на запястье горела.

— Госпожа! — крикнула Марта откуда-то из глубины дома.

Я бросилась на голос.

Не успела.

Один из людей в маске оказался быстрее остальных. Он не стал бороться с дверями и лестницами. Он достал из-за пазухи маленький серый камень, сжал в ладони — и стены вокруг него замолчали.

Дом ослеп.

Коридор впереди распахнулся.

Тот самый, который вёл к западной кухне.

— Нет!

Я побежала.

Платье путалось в ногах. Воздух резал горло. Где-то рядом кричали. Шавцихе снова пыталась закрыть проход, но серый камень в руке нападавшего гасил её магию, как мокрая тряпка гасит огонь.

Я почти догнала его у кухонной двери.

Почти.

Он обернулся и ударил меня руной.

Никакого клинка. Просто знак в воздухе — резкий, серый, как трещина. Меня отбросило к стене. Спина ударилась о камень, из лёгких выбило воздух.

Я сползла на пол.

Перед глазами поплыли искры.

В кухне закричала Мариам.

Этот крик вытащил меня обратно в тело.

Я поднялась на четвереньки. Потом на ноги. Мир качнулся, но устоял.

Внутри кухни Марта стояла с тяжёлым ножом в руках перед детьми. Темур держал ладони поднятыми, на пальцах плясал синий огонь, но он дрожал. Лука забился под лавку. Мариам прижимала к себе куклу и смотрела не на нападавшего — куда-то за его плечо.

— Не надо, — сказала она тихо. — За вами стоит мёртвый.

Человек в маске замер на долю секунды.

Темур ударил огнём.

Пламя попало ему в плечо, но не остановило. Плащ вспыхнул и тут же погас — руны на ткани впитали огонь.

— Дефектный, — сказал нападавший почти с брезгливостью. — Но сильный.

Он двинулся к Темуру.

Я влетела в кухню и встала между ними.

Не красиво. Не героически. Просто бросилась, едва не упав, и закрыла мальчика собой.

— Отойди, женщина.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, кого защищаешь.

Я усмехнулась, хотя губа, кажется, была разбита.

— Обычно это говорят те, кто хочет забрать ребёнка в мешке.

Он поднял руку с серым камнем.

Марта крикнула:

— Княгиня!

Я не знала, что делать.

Совсем.

Ни заклинания. Ни оружия. Ни плана. Только дети за спиной. Только дом, который задыхался под чужой магией. Только письмо Тамары у сердца и метка на руке, пульсирующая болью.

«Не отдавай его. Что бы тебе ни сказали. Кто бы ни просил».

Я протянула руку к серому камню.

Нападавший рассмеялся.

— Глупая.

Наверное.

Но я уже столько раз была разумной. Удобной. Осторожной. В прошлой жизни я выбирала безопасные слова, безопасные решения, безопасную боль. И всё равно потеряла всё.

Так зачем теперь осторожность?

Я схватила камень голой рукой.

Боль была чудовищной.

Камень закричал.

И я тоже.

Он впился в ладонь холодом, вывернул магию дома наизнанку, показал мне сотни дверей, запертых изнутри, детские руки на камне, голос Тамары: «Ещё немного, Марта, я успею». Потом другой голос — Кетеван? Нет. Мужской. Старый. «Дети должны вернуться в источник».

Я стиснула зубы.

— Шавцихе, — прошептала я. — Дыши.

Метка вспыхнула чёрным.

Серый камень треснул.

Дом взревел.

Плиты под ногами нападавшего поднялись, стены кухни словно шагнули внутрь, лавки с грохотом полетели в воздух. Мужчину в маске швырнуло назад так, что он пробил дверь

и исчез в коридоре.

Я упала на колени.

Ладонь была чёрной от ожога. Но серый камень рассыпался пеплом между пальцами.

Темур смотрел на меня так, будто впервые видел взрослого, который не только обещал защитить, но и заплатил за это кожей.

— Ты идиотка, — сказал он дрожащим голосом.

— Возможно.

— Ты могла умереть.

Я повернула голову. На него. На Мариам. На Луку, который выполз из-под лавки и теперь тихо скулил.

— Но не умерла.

Дальше всё случилось слишком быстро.

Снаружи раздался новый грохот. Не от дома. От неба.

Шавцихе содрогнулась.

Окна в кухне вспыхнули белым светом. Мариам вскрикнула и закрыла уши.

— Он пришёл, — прошептала она.

— Кто?

Ответом стал рёв.

Такой, что мир раскололся.

Не звериный. Не человеческий. Древний. Огромный. Полный ярости, от которой кровь в венах на мгновение стала горячей.

Я выбежала во двор, хотя Марта пыталась удержать меня

за плечо.

Над Шавцихе кружил дракон.

Чёрный.

Нет — не просто чёрный. Он был как ночь, в которую бросили раскалённые угли. По краям крыльев пробегали багровые всполохи, чешуя отливала металлом, глаза горели янтарём. Он закрыл собой половину неба, и все люди в масках, оставшиеся во дворе, одновременно замерли.

Потом дракон упал.

Не приземлился.

Именно упал — как буря, как кара, как обвалившаяся гора.

Когти ударили в камень. Двор треснул. Одного нападавшего отбросило к воротам. Второй попытался бежать — чёрный хвост сбил его с ног. Третий поднял клинок с рунами, но дракон выдохнул пламя — не синее, как у Темура, не красное, как в чашах Совета, а тёмно-золотое, почти белое в сердцевине.

Маска расплавилась раньше, чем человек успел закричать.

Я вцепилась в косяк двери.

Страшно?

Да.

Невероятно.

Но вместе со страхом пришло странное, безумное облегчение.

Не потому что он был безопасен. Нет. В этом существе не было ничего безопасного.

Просто впервые за всё время опасность пришла не только за мной.

Она пришла за теми, кто пришёл за детьми.

Через несколько минут всё закончилось.

Двор был разворочен. Ворота висели на одной петле. По камням стелился дым. Люди в масках лежали кто где — кто без сознания, кто стонал, кто не двигался вовсе.

Чёрный дракон поднял голову и посмотрел на меня.

Я забыла, как дышать.

Его глаза были слишком разумными.

И слишком злыми.

Потом тело дракона окутал дым. Чешуя пошла рябью, крылья сложились, кости изменили форму с влажным, тяжёлым звуком. Через несколько вдохов передо мной стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В тёмной одежде, местами порванной после превращения. Чёрные волосы падали на лицо, на скуле тянулся старый шрам. Глаза — те же янтарные, хищные, с насмешкой на дне.

Он оглядел меня с головы до ног.

Моё порванное платье. Разбитую губу. Чёрную ладонь. Дрожащие колени. Детей, которые выглядывали из-за моей спины.

— Княгини, — сказал он низким голосом, — обычно кри-

чат громче, когда их пытаются убить.

Я смотрела на него и пыталась собрать остатки достоинства.

Получилось плохо, но я старалась.

— А изгой обычно хамят женщинам, которых только что спасли?

На его губах мелькнула улыбка.

Не добрая.

Опасная.

— Значит, слухи врут. Тамара Орбелиани всё-таки умеет показывать зубы.

Я вздрогнула.

— Вы знаете меня?

— Я знал прежнюю тебя.

Слова ударили неожиданно.

Марта вышла во двор и остановилась, увидев мужчину.

— Тариэл, — сказала она глухо.

Тариэл Месхи.

Имя пронеслось по двору, как ещё один порыв ветра. Темура за моей спиной резко втянул воздух. Даже Лука перестал скулить.

Я поняла: его боятся.

Все.

Кроме, может быть, самой Шавцixe. Крепость вокруг нас гудела низко, настороженно, но не враждебно.

Тариэл сделал шаг ко мне.

Я хотела отступить, но за спиной были дети.

И я осталась на месте.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Его взгляд скользнул к моей руке.

К метке на запястье, которую порванный рукав больше не закрывал.

Улыбка исчезла.

Тариэл резко схватил меня за запястье.

Не больно. Но так внезапно, что я ахнула.

— Эй!

Его пальцы были горячими. Очень. Будто в человеческом теле всё ещё жил драконий огонь.

Он смотрел на знак — чёрное крыло над тонкой линией детской ладони.

И лицо у него менялось.

Насмешка ушла. Злость тоже.

Осталось что-то тяжёлое. Недоверчивое. Почти испуганное.

— Откуда, — медленно спросил он, — у тебя знак Матери гнезда?

Я попыталась выдернуть руку.

Он не отпустил.

— Откуда, Тамара?

Я подняла подбородок, хотя сердце колотилось так, будто хотело разбить рёбра.

— Сначала отпустите мою руку, дракон.

Он посмотрел мне в глаза.

Между нами повисла тишина — горячая, опасная, полная дыма и крови.

Потом Тариэл медленно разжал пальцы.

Я прижала руку к груди.

— А теперь, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — объясните мне, почему все в этом проклятом мире знают о моей жизни больше, чем я сама.

Глава 7. Метка Матери гнезда

— Объясните мне, почему все в этом проклятом мире знают о моей жизни больше, чем я сама.

Я сказала это ровнее, чем чувствовала.

На самом деле у меня дрожали колени.

Двор Шавцихе был разворочен, как после землетрясения. Каменные плиты вздыбились, ворота висели на одной петле, на стенах ещё дымились следы чужой магии. Люди в массах лежали без сознания там, куда их бросил чёрный дракон. Один стонал у колодца, прижимая руку к расплавленной маске. Другой не шевелился вовсе.

И среди всего этого стоял Таризэл Месхи.

Человек, который несколько минут назад был огромным чёрным драконом.

Я знала, что должна бояться его. Любой здравый человек боялся бы. Но после Совета, развода, письма мёртвой Тамары, крови на воротах и нападения на детей мой внутренний здравый человек, кажется, сидел где-то в углу и тихо смеялся.

Таризэл смотрел на меня так, будто решал: я опасность, загадка или особенно раздражающая ошибка.

— Тебе правда никто не сказал? — спросил он наконец.

— Мне сегодня успели сказать, что я бесплодна, неполноценна, лишняя, не выживу в Шавцихе и не имею права спо-

ритель с Советом. Про эту метку как-то забыли.

Марта за моей спиной тихо кашлянула. Не то чтобы смех, но близко.

Уголок губ Тариэла дрогнул.

— Ты всегда была колючей?

— Нет, — ответила за меня Мариам.

Все повернулись к девочке.

Она стояла в дверях кухни, босая, в старом платье, прижимая к груди куклу. Темур держался рядом, напряжённый, как натянутая струна. Лука выглядывал из-за его ноги, маленький, тёмный, с дрожащими крыльями.

— Раньше она плакала внутри, — сказала Мариам. — Теперь злится наружу.

Тариэл медленно перевёл взгляд с девочки на меня.

— Интересно.

— Не очень, — буркнула я.

— Очень, — возразил он. — Особенно если учесть, что прежняя Тамара Орбелиани ни за что не смогла бы сломать подавляющий камень голой рукой.

Я посмотрела на свою ладонь.

Ожог почернел, кожа саднила, пальцы плохо сгибались. Если бы всё происходило в моём мире, я бы уже сидела в травмпункте, ругалась на очередь и пыталась не расплакаться от боли. Здесь же Марта просто обмотала бы руку травами, дом зашептал бы в стенах, а дракон-изгой сделал бы вид, что удивлён, почему я не умерла эффектнее.

— Подавляющий камень? — спросила я.

Тариэл наклонился, поднял с пола серый осколок и покрутил между пальцами.

— Камень, который глушит волю живого дома. Редкая мерзость. Совет не даёт такие игрушки случайным людям.

— Значит, это были люди Совета?

— Или те, кто хочет, чтобы ты так думала.

— Очень утешительно.

Он бросил осколок на землю и наступил на него каблуком. Камень рассыпался в пыль.

— Утешать я не нанимался.

— А хамить?

— Это бесплатно.

Темур вдруг фыркнул.

Я обернулась. Мальчик тут же сделал вид, что не улыбался.

Странное дело: после нападения, крови и огня этот короткий звук оказался почти чудом. Не радость. Нет. Просто маленькая трещина в страхе.

Тариэл тоже слышал. Его взгляд смягчился на мгновение, когда он посмотрел на детей. Не полностью. У таких мужчин мягкость, наверное, вообще долго не живёт на лице. Но она была. Быстрая. Спрятанная.

— Их надо увести внутрь, — сказал он. — Пока те, кто лежит во дворе, не очнулись.

— А с ними что делать?

— Допросить.

— Вы умеете?

Он посмотрел на меня.

— Я похож на человека, который разговаривает с врагами ласково?

— Вы вообще не очень похожи на человека.

На этот раз он почти улыбнулся.

— Уже лучше, княгиня.

— Не называйте меня так.

— Тамара?

Я замолчала.

Имя легло между нами тяжело. Как чужой плащ на плечи. Я не хотела, чтобы он называл меня Тамарой. И не могла сказать: зовите меня Ариной. Не сейчас. Не при детях. Не при Марте. Не при мужчине, который знал прежнюю хозяйку этого тела и уже смотрел так, будто что-то заподозрил.

Мариам тихо сказала:

— Она пока не знает, как её зовут.

У меня перехватило дыхание.

Девочка говорила просто. Без жестокости. Но попала в самое сердце.

Таризэл больше не улыбался.

— Тогда сначала метка, — сказал он. — Потом имена.

Мы вошли в зал Шавцixe.

Дом после битвы гудел низко, устало. Я почему-то чувствовала это не ушами — кожей. Будто сама крепость была

огромным зверем, который прикрыл детей своим телом, получил удары, но всё ещё стоял.

Марта усадила детей у очага. Темур сначала сопротивлялся, потом всё-таки сел, когда Лука, не удержавшись, привалился к его боку. Мариам устроилась рядом и начала гладить куклу по лысой тряпичной голове.

Тариэл остановился у высохшего фонтана в центре зала.

— Руку.

— Что, простите?

— Руку покажи.

— А попросить нормально в вашем воспитании не предусматривалось?

— После того как женщина голыми руками ломает подавляющий камень, я обычно экономлю время на любезностях.

— Как жаль.

Но руку я всё-таки протянула.

Не потому что подчинилась.

Потому что хотела знать.

Тариэл не схватил на этот раз. Взял осторожно. Неожиданно осторожно для человека, который недавно плавил маски врагам. Его пальцы были тёплыми, шершавыми, на костяшках — старые шрамы. Он повернул моё запястье к огню.

Чёрная метка выглядела почти живой. Крыло, тонкая линия детской ладони и едва заметная звезда в центре, которой раньше не было.

Тариэл замер.

Марта подошла ближе и побледнела.

— Звезда появилась?

— Когда она сломала камень, — сказал Тариэл.

— Что это значит? — спросила я.

Он отпустил мою руку не сразу.

— В старых летописях таких женщин называли Матерями гнезда.

— Звучит так, будто я должна начать откладывать яйца.

Темур прыснул уже открыто.

Марта шикнула на него, но сама странно отвела лицо.

Тариэл посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты всегда закрываешь страх шутками?

— Только когда рядом драконы, которые забывают объяснять главное.

Он кивнул, будто принял удар.

— Мать гнезда — не мать по крови. Это женщина, чей дар способен слышать детей разных драконьих родов, удерживать их силу от распада и пробуждать источники, которые обычные драконы давно считают мёртвыми.

Я медленно опустилась на край фонтана.

— Я не умею ничего пробуждать.

— Уже умеешь. Шавцихе открыла ворота. Защитный круг отпустил детей. Дом подчинился тебе во время нападения. Подавляющий камень сломался в твоей руке, хотя должен был выжечь тебе сердце.

Очень приятный список.

— А почему все ведут себя так, будто это плохо?

Тариэл усмехнулся, но без веселья.

— Потому что драконьи роды строят власть на крови. Кто чей сын. Кто чья дочь. Кто имеет право на источник, на крылья, на наследство. А Мать гнезда ломает эту систему одним своим существованием. Она может признать ребёнка не по фамилии, а по силе. Может соединить тех, кого Совет объявил дефектными. Может пробудить дом, который не подчиняется князьям.

Я посмотрела на детей.

Темур слушал, делая вид, что не слушает. Мариам смотрела в огонь. Лука прижался к её коленям, глаза у него слипались от усталости.

— Поэтому Тамару хотели убрать, — сказала я.

Марта закрыла глаза.

Тариэл не стал жалеть меня красивой ложью.

— Да.

Одно слово.

И вся прежняя история вдруг развернулась иначе.

Не слабая жена. Не бесплодная, не бесполезная, не жалкая женщина, которую мужу пришлось заменить ради рода.

А опасная.

Настолько опасная, что её нужно было довести до смерти, вытравить из памяти, опозорить перед Советом, отправить в проклятую крепость и прийти ночью за детьми.

Я почувствовала, как во мне поднимается холод.

— Леван знал?

Тариэл посмотрел на Марту.

Марта — на огонь.

— Отвечайте, — сказала я.

— Леван Арагвели умеет не знать то, что ему неудобно
знать, — произнёс Тариэл.

Я усмехнулась.

— Почти как в письме.

Он резко поднял глаза.

— В каком письме?

Я замолчала.

Слишком быстро.

Тариэл заметил.

Конечно, заметил.

— Тамара оставила тебе письмо?

— Возможно.

— Где?

— Там, где вы его не найдёте.

Его взгляд стал жёстче.

— В этих письмах могут быть имена тех, кто придёт снова.

— И поэтому я должна отдать их первому дракону, кото-
рый эффектно свалился во двор?

— Я спас твою крепость.

— Дом спас мою крепость. Вы просто добавили драма-
тический вход.

Темур снова фыркнул.

Тариэл скосил на него взгляд.

— Тебе смешно, щенок?

Темур мгновенно ошетинился.

— Я не щенок.

— Пока огонь бросаешь от страха, щенок.

Мальчик вскочил. На его руках вспыхнуло синее пламя.

— Тариэл, — резко сказала Марта.

Я поднялась между ними.

— Не смейте.

Тариэл посмотрел на меня с раздражением.

— Его страх однажды убьёт кого-то.

— Его страх уже пытались превратить в оружие взрослые,

которые должны были его защищать.

— И поэтому ты будешь гладить его по голове?

— Нет. Я буду говорить с ним как с ребёнком, которому больно. Для вас, я понимаю, это дикая военная стратегия.

Тишина.

Темур стоял с поднятыми руками. Огонь дрожал, становясь слабее.

Тариэл смотрел на меня. Долго. Тяжело. С непонятным выражением.

Потом вдруг сказал:

— Вот теперь я верю, что дом мог тебя выбрать.

И это почему-то смутило сильнее, чем его насмешки.

Я отвернулась первой.

— Что нам делать с людьми в масках?

— Я заберу двоих. Остальных свяжите и заприте в винном подвале. Камни подвала старые, Совет их не любит.

— Почему вы помогаете?

— Я не помогаю тебе.

— Конечно. Вы просто пролетали мимо и решили растопить пару человек от скуки.

— Я помогаю детям.

— Почему?

На этот раз он не ответил сразу.

В его лице что-то закрылось. Будто я подошла слишком близко к двери, на которой висел знак: не входить.

— Потому что когда-то не помог другим, — сказал он наконец.

Марта тихо опустила голову.

Я поняла, что за этой фразой стоит история. Большая. Безлезненная. И пока не моя.

Но она уже коснулась меня.

Опасные мужчины становятся по-настоящему опасными не тогда, когда у них есть клыки, крылья и огонь. А когда в их прошлом есть вина, которую они не могут простить себе. Такие спасают не потому, что добрые. Они спасают, чтобы каждый раз опаздывать чуть меньше.

В столице Леван Арагвели узнал о нападении через час после рассвета.

Посыльный рухнул на одно колено прямо посреди восточной галереи, где князь принимал отчёт управляющего. На сапогах у посыльного была пыль. На плаще — следы сажи.

— Шавцихе, милорд.

Леван медленно поднял голову.

— Что с Шавцихе?

— Ночью было нападение. Ворота повреждены. Несколько человек в масках взяты. Дом... сопротивлялся.

Управляющий замолчал.

В галерее стало так тихо, что слышно было, как за окнами бьётся о стекло утренний дождь.

— Тамара? — спросил Леван.

Одно слово.

Слишком быстро сказанное.

Посыльный опустил глаза.

— Жива.

Леван понял, что выдохнул, только когда воздух вышел из груди.

Злость пришла следом. На себя — за этот выдох. На Тамару — за то, что она выбрала проклятую крепость. На Совет — за то, что не предупредил. На весь мир, который вдруг перестал подчиняться привычным линиям.

— Кто напал?

— Неизвестно. Но... — посыльный замялся.

— Говори.

— Там видели чёрного дракона, милорд.

Леван застыл.

— Месхи?

— Полагают, что да.

За спиной раздался тихий звон браслетов.

Кетеван стояла у арки, держа ладонь на животе. Она была бледна, но как всегда безупречна: гранатовое платье, золотая сетка в волосах, глаза — мягкие, тревожные.

— Тариэл Месхи в Шавцixe? — спросила она.

Леван медленно повернулся к ней.

— Ты его знаешь?

— Все знают проклятого дракона. — Она подошла ближе.

— Леван, это опасно. Если Тамара связалась с ним...

— Связалась? — он прищурился.

Кетеван чуть опустила ресницы.

— Я не это имела в виду.

Но именно это и имела.

Леван вдруг увидел — слишком ясно — как она подбирает слова. Мягко. Осторожно. Так, чтобы мысль будто родилась у него самого.

Раньше он не замечал?

Или не хотел?

Кетеван коснулась его рукава.

— Тамара всегда умела делать из себя жертву. Возможно, она сама привлекла нападение, чтобы ты почувствовал вину.

Леван посмотрел на её пальцы на своём рукаве.

Красивые пальцы. Тонкие. Ухоженные.

Почему же ему вдруг вспомнились руки Тамары на Совете? Бледные. Дрожащие. В крови, когда она подписала требование Шавцихе.

«Когда женщина выбирает, где ей жить после предательства, она не всегда думает о мужчине».

Он сжал челюсть.

— Её пытались убить.

— Мы не знаем этого.

— На воротах была кровь.

Кетеван замолчала.

Мгновение. Всего одно мгновение.

Но Леван увидел.

Не испуг.

Раздражение.

Оно мелькнуло и исчезло под привычной нежностью.

— Я просто боюсь за тебя, — сказала она. — Ты можешь снова позволить ей втянуть тебя в свои несчастья. А у нас теперь есть ребёнок. Твой наследник.

Она положила его руку себе на живот.

Раньше этот жест вызывал у него чувство правильности. Долга. Будущего. Рода, который наконец получит продолжение.

Теперь под ладонью он почувствовал только холодную тревогу.

— Оставь меня, — сказал Леван.

Кетеван вздрогнула.

— Но...

— Сейчас.

Она медленно убрала его руку.

Поклонилась.

Ушла.

Леван стоял у окна, глядя на дождь, и впервые за долгое время не понимал, где правда.

Тамара в Шавцихе.

Тариэл Месхи рядом с ней.

Нападение людей в масках.

И странное, почти забытое чувство в груди: если он сейчас не поедет сам, может оказаться поздно.

Но он не поехал.

Пока.

Он только приказал:

— Узнать, кто выдал нападавшим путь к Шавцихе. И подготовить отряд.

К полудню Шавцихе пахла дымом, травами и злостью.

Марта перевязала мне ладонь. Темур молча таскал воду, хотя никто не просил. Мариам сидела возле Луки и рассказывала ему сказку о маленьком драконе, который боялся не огня, а одиночества. Лука слушал, положив голову ей на колени.

Тариэл допрашивал пленников в подвале.

Я не спрашивала как.

Иногда снизу доносились глухие удары, иногда — тишина. Тишина пугала сильнее.

Когда он вернулся, лицо у него было мрачным.

— Они не знают заказчика.

— Или не сказали?

— Не знают. Им дали приказ через мёртвую печать.

— Что это?

— Магический приказ без имени отправителя. Дорогой способ. Не для мелких врагов.

— Совет?

— Возможно.

— Вы часто отвечаете так, будто одновременно знаете всё и ничего?

— Когда хочу, чтобы собеседник дожил до завтра, да.

Я устало закрыла глаза.

— Прекрасно.

В этот момент Шавцихе вздрогнула.

Не от удара.

От чужой магии.

Все окна в зале одновременно потемнели. Фонтан в центре, сухой много лет, издал глухой звук, будто на его дно упала капля.

Марта побледнела.

— Печать Совета.

На пороге главного зала возник огонь.

Не обычный. Белый. Холодный. Он развернулся в возду-

хе плоским кругом, и из него выпал свиток с серебряными краями.

Тариэл успел перехватить меня за локоть, когда я шагнула вперёд.

— Не трогай голыми руками.

— Почему?

— Потому что Совет редко присылает подарки без яда.

Он взял свиток сам, двумя пальцами, и пробежал глазами строки.

С каждым мгновением его лицо становилось жёстче.

— Что там? — спросила Марта.

Тариэл молчал.

Я выдернула свиток у него из рук.

Он не успел остановить.

Слова вспыхнули перед глазами, и я вдруг поняла их так же легко, как понимала брачный договор.

«По решению Совета родов княгиня Тамара Орбелиани обязана в течение трёх дней представить находящихся в её владении драконят для проверки крови, источника и степени опасности.

В случае отказа дети будут изъяты силой.

Опекунские права княгини Орбелиани не признаются до подтверждения её магической полноценности».

Я дочитала до конца.

И медленно подняла голову.

Темур стоял у стены белый как мел.

Мариам крепко зажала Луке уши, хотя он всё равно всё понял. Маленький драконёнок смотрел на меня огромными глазами, в которых уже жил старый ужас: за мной пришли.

Я сжала свиток так, что серебряные края впились в кожу. Три дня.

Всего три дня.

Тариэл тихо сказал:

— Теперь они придут официально.

Я посмотрела на детей.

Потом на сухой фонтан. На чёрные стены Шавцихе. На свою перевязанную ладонь. На метку, которая снова начала гореть под рукавом.

— Значит, — сказала я, — за три дня мы сделаем так, чтобы им было страшно войти.

Глава 8. Уроки от проклятого дракона

— Я остаюсь.

Тариэл сказал это так, будто объявил не решение, а приговор.

Мы стояли в главном зале Шавцихе. За узкими окнами серел рассвет, похожий на грязную воду. После ночного нападения крепость казалась старше на сотню лет: в углах пахло дымом, на каменных плитах ещё темнели пятна крови, а сухой фонтан в центре зала едва слышно гудел, будто дом ворчал во сне.

Я подняла на Тариэла глаза.

— Как неожиданно. Я думала, вы сейчас красиво расправите крылья, скажете что-нибудь обидное и исчезнете в горах.

— Обидное могу сказать и стоя здесь.

— Не сомневаюсь.

Он скользнул взглядом по залу, по заколоченным после боя ставням, по детям, которые сидели у очага. Темур делал вид, что чистит нож, хотя нож был кухонный и тупой. Мариам молча расчесывала пальцами спутанные волосы Луки. Маленький драконёнок дремал у неё на коленях, подёргивая крылом во сне.

— У тебя три дня, — сказал Тариэл. — Совет придёт не просить. Заберут детей, тебя объявят опасной, Шавцихе запечатают. Если повезёт, тебя оставят живой.

— Какая щедрая судьба.

— Если не повезёт, сделают из тебя пример.

Я усмехнулась.

— Вы всегда так вдохновляете перед завтраком?

— Я не нянька.

— Это я уже поняла. Няньки обычно реже плавают людей во дворе.

Темур кашлянул, скрывая смешок. Тариэл даже не повернулся, но мальчик тут же замолчал.

— Я остаюсь не ради тебя, княгиня.

Почему-то это кольнуло сильнее, чем должно было.

Глупо.

Совершенно глупо.

Я знала егомень

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.